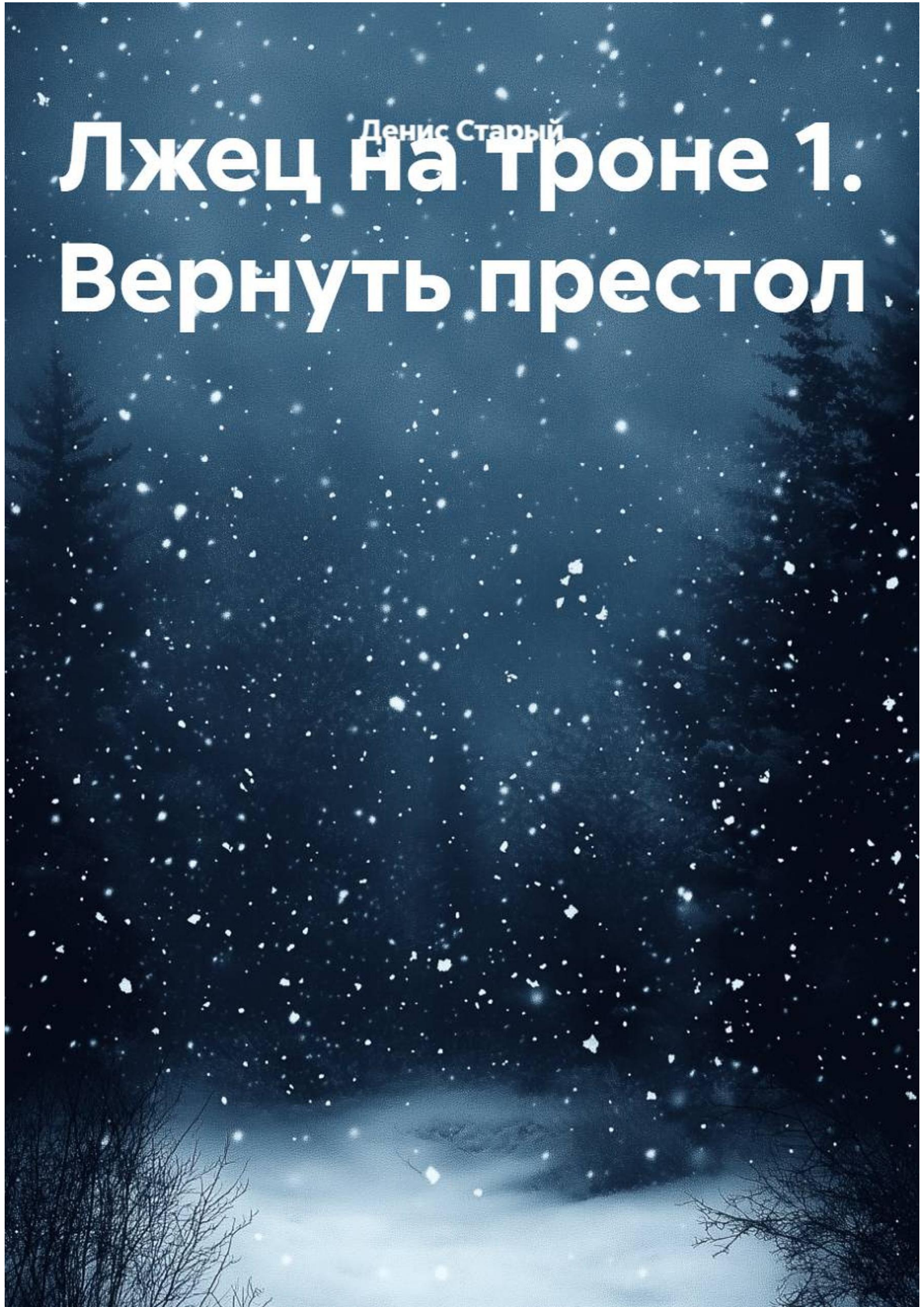

Денис Старый

Лжец на троне 1. Вернуть престол

Денис Старый

Лжец на троне 1. Вернуть престол

«Автор»

2026

Старый Д.

Лжец на троне 1. Вернуть престол / Д. Старый — «Автор», 2026

Проснулся, обнаженная женщина рядом и говорит... На польском языке... под звон колоколов в историческом антураже. Кто она? Нет, главный вопрос кто я? Или ещё более важно решить, что делать? Цейтнот, время на минуты, меня идут убивать. Бежать? Дать бой? Покориться судьбе с расчетом, что вновь окажусь в своем времени? Сложные решения с самого начала, первая кровь на моих руках в первые минуты. Но... "Я вам не Борис!!!" - закричал бы Дмитрий Иванович, кидаясь с алебардой на своих убийц. Я же тихо, чтобы никто не слышал, скажу: "Я вам не Лжедмитрий!"

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Денис Старый

Лжец на троне 1. Вернуть престол

От автора

Я поймал себя на мысли, что, чем больше пишу, тем более мне хочется проблемных ситуаций. Рояли претят, хотя иногда есть таковые и у меня, но вот поставить героя в ситуацию, где он в цейтноте и нужно быстро что-то решать, кому-то доверится, куда-то бежать... Вот, наверное, то, с чего, в том числе, начнется и эта книга.

Я выбрал своим героем попаданца в тело Лжедмитрия Первого. И сделал это скорее потому, что я мало знал об этом судьбоносном периоде истории России. И дело не только, может и не столько, в том, что я не знал о самих событиях, мне было крайне интересно подумывать человеком того времени, понять, что есть такое Смута в голове, в сознании индивидуума и в коллективном разуме всего русского народа. Понял ли я это? Пока до конца еще, нет, но ведь и это только первая книга. И я искренне надеюсь, что понимания о творящемся тогда станет чуточку больше.

Хотелось бы коснуться темы самой личности Лжедмитрия, так как в книге подобные вопросы проходят только по касательной и я не лезу в дебри исторических споров, что не утихают и поныне. К тому же предвосхищая комментарии, постараюсь очень кратко, но проявить некоторую мою позицию.

Как можно увидеть с описанного, я все же склоняюсь к тому, что на троне немножко посидел именно самозванец. Вопрос у меня только в такой вот плоскости: а кто он все-таки? Неужели монах-черноризец, даже такой, как Григорий Отрепьев, между прочим, живший рядом с землями Романовых, может просто прийти и представится царем? Вот Илейка Муромец представился несуществующим Петром Федоровичем, так все писали, что подобный персонаж вызывал только смех. Лжедмитрий Второй так же был понятен, как самозванец. Но первый?..

Тонкие манеры, знание этикета, неплохое понимание политических раскладов, энергичный, великолепный оратор, иначе столь много людей за ним не пошло бы. Хорошо рубился на саблях, ездил в седле. Ну весь из себя аристократ, что отмечали даже те, кто был знаком с европейскими монархами того времени.

Можно немного включить и конспирологии. Так, Карамзин, зачитывая свои еще только рукописи, писал о Лжедмитрии, что тот мог бы являться и самделешним сыном царя. После друзья историка будут обвинять Карамзина в трусости и угодливости правящей фамилии. Историк Миллер, столь не любимый Ломоносовым, так же намекал Екатерине Великой о царском происхождении Лжедмитрия.

Есть еще немало различного рода свидетельств, но я придерживаюсь того мнения, что пусть Лжедмитрий так и останется непонятым, то ли сыном Ивана Грозного, может и Стефана Батория, польского короля, может, даже скорее всего, Григорием Отрепьевым. Каждый выберет версию более привлекательную, по своему вкусу. И ответа в книге не будет, так как быть истинной в последней инстанции столь острого исторического вопроса, я не буду, не имею права, даже со ссылкой на фантастику.

Книга же не столько о самой личности Лжедмитрия. Я не оставлю ему и права на существование в сознании главного героя. Потому книга про другого человека, но, скорее всего, про его окружения и Россию того времени.

Что ж... приятного чтения!

В надежде не разочаровать, искренне Ваш Денис Старый.

PS И да, решение писать о Лжедмитрии – это в том числе и заслуга тех людей, которые некогда откликнулись на мой комментарий о творческом поиске. Ваше мнение стало тем камушком, перевесил остальные идеи и погнал меня в непролазные дебри Смуты.

Пролог

Москва

8 марта 2023 года [отсылка к книге «Самодержец» из цикла «Внук Петра» автора Дениса Старого].

– Повторяю вводные... – говорил начальник службы безопасности компании Петров Компани, – Носов Кирилл Николаевич.

Я слушал в полуха. Командир уже все сказал, описал, зачет по объекту мною сдан. Чего с пустого в порожнее молоть? Это Нос все беспокоится и тут стояло бы задуматься, почему. Но не мое дело размышлять и сомневаться. Стал наемником, обрабатывай! Да к черту! Что, я не могу думать? Могу.

Так вот, Нос предал своего друга, Сергея Викторовича Петрова. Шефа предала и его жена Катя. Уж не знаю, может и саму болезнь Петрова как-то спровоцировали любовнички-заговорщики.

Петров нормальный мужик, олигарх, но при этом немало участвует и в разных социальных программах. И вот он заболел неизлечимой болезнью, а жена кувыркается с лучшим другом Петрова, да переводит активы в офшоры. И теперь, как я думаю, Носов решил кардинально решить проблему существования своего «друга» Петрова.

И что теперь, когда я это понял? Ни-че-го. Мне платят деньги, не я, так другие будут участвовать в этом дурно пахнувшем деле. А мне деньги нужны, у меня дочка, сам воспитываю, у нее выпускной на носу, поступление.

– Через три дня вылет. Всем быть на базе. Любой выход в Сеть, телефон или еще что... Ну да контракт вы видели, – заканчивал очередное собрание Нос.

***

Окрестности Находки

12 марта 2023 г.

– Парни, полная зачистка! На все не более двадцати минут, – сказал командир и жестом указал выдвигаться.

То, какие средства были использованы в ходе операции, наталкивало на мысль, что в деле замешан не только Носов. Ну, да, ладно! Свою работу я выполняю, получу весьма и очень неплохие деньги – и все... Растить картошку и дочку, но дочке выделю внимания больше.

Перелет был штатным, после три часа добирались до места на снегоходах. Охрана объекта была существенная, но наши спецы справились без особых проблем. Пять снайперов... ранее я был уверен, что это явная перестраховка. Нет, только случайность и то, что охранники мешкали, позволило снять охранение внешнего периметра объекта.

– Второй, пятый держать! Остальные выдвигаться, – услышал я в гарнитуре приказ. Все шло по плану.

Моей задачей был контроль медицинского блока, где и находился Петров. Я не должен был входить вовнутрь, создавая условия для работы персонала. После... зачистка всех.

– Давление падает, – слышал я, как истерично закричал доктор.

Кто-то бежал к боксу, и я спрятался за приоткрытой дверью. «Впускать можно, но никого не выпускать, при выходе зачищать» – бил в голове набатом приказ командира.

По коридору бежал кто-то грузный и уже по издаваемому им шуму я мог определить, что этот человек весьма нервный.

– Что случилось? – спросил вбежавший в медицинский бокс мужчина, не дождавшись ответа этот же голос истошно заорал. – Ты что, шлемазл, сделал?

– Датчики донора были уничтожены и импульс от них перешел к реципиенту, – дрожа, вывалил единственное объяснение случившемуся доктор. – Остановка сердца!

– Отключай его! – сказал истеричным голосом только что вбежавший в медицинский бокс мужчина. – Убей этого гада! Где же мой телефон?

Я слышал, как начал суетиться персонал.

– Девятый! Зачищай! – приказал мне командир.

Я зашел и методично, не суетясь, упокоил пятерых человек. После подошел к чему-то похожему, по моим представлениям на медицинскую капсулу. Или я перечитал фантастики? Петров лежал в этой, странного вида капсуле, рядом валялось множество датчиков, целых пять мониторов просто рябили, не давая картинки.

– Сергей Викторович, я Вас уважал и с сыном Вашим мы воевали вместе, но я наемник, – говорил я уже умершему человеку.

Петров был мертв и вообще, от некогда крепкого мужика, сейчас остались лишь кости и темно-серая, потрескавшаяся кожа.

– Ты девятый? – спросил, входя в бокс Носов.

– Так точно! – машинально ответил я.

– Молодец, девятка! – радостно сказал Нос, рассматривая то, что осталось от его друга Сергея Петрова.

Предатель, бывший еще недавно начальником Службы Безопасности компании «Петров Компани», достал свой телефон, который взял вопреки требованиям элементарной логики.

– Алло, Катюша! – Носов улыбался всеми своими идеальными зубами. – Крепись, вдова, Сереги больше с нами нет!

Носов отключил телефон, оглянулся.

– Внимание! РЛС фиксирует приближение неопознанного БПЛА! – закричал в гарнитуру командир.

Паники не было – это всего-то работа и даже не важно, что ударный беспилотник обошел ту не сильно-то и мощную систему ПВО, которая была в наличии у СБ Петрова. Нет, один летающий «мопед» был сбит на подлете, но это было только отвлечением, когда с другой стороны заходил на атаку более совершенный аппарат.

Больше команд не было, не успел командир сориентироваться, да и бессмысленно все было. Ракета, выпущенная с ударного беспилотника, летела, и я практически ощущал, как истекают последние секунды моей жизни.

Я не знаю почему, но взял за руку Петрова, на которой все еще был какой-то датчик, что не успели снять.

***

Ничто [отсылка к книге «Самодержец» из цикла «Внук Петра» автора Дениса Старого].

Я видел... Сергея Викторовича Петрова. Он стоял вдали от меня, в метрах... я не мог определить расстояние, тут вообще не было таких понятий: ни времени, ни пространства, расстояния и массы. Это было ничто.

Сергей Викторович смотрел на какую-то девочку, совсем маленькую, было не понять, что это вообще девочка. Я это просто знал и все.

– Ты ее убил. Эта девочка умерла во время штурма Константинополя, когда солдат Игнат Платов оставил ее одну, спеша исполнить твой приказ, – говорил голос, который, казалось был везде.

– Но я не чувствую скорби, боли, сожаления! – отвечал Сергей Викторович.

И тут я почувствовал присутствие множества, миллионов людей.

– Значит ты сделал многим больше добра и благодаря тебе много душ нашли себе новые телесные оболочки. Ты сделал все правильно! – сказал голос.

И это видение испарилось, осталось то самое «ничто».

Глава 1

Москва

17 мая 1606 года 3:10

– Что смурной такой, Михаил Игнатьевич, али передумал? – вкрадчиво спросил Василий Иванович Шуйский.

– Как же передумать-то, Василий Иванович, коли руки уже по локотки в крамольной саже? – отвечал Михаил Игнатьевич Татищев.

– А ты ж где увидел крамолу? В том, что воренок на троне? Али в том, что венчался он без благословения церкви на блудливой схизматке? В том, что телятиной тебя кормил? А ты ел. Ел, да нахваливал, – взбеленился Андрей Васильевич Голицын.

– А не ты ли, Андрей Васильевич сам ратовал за то, кабы сей воренок царем стал? Да и понять то нужно, воренок он, али сын Иоанна Васильевича. Уж больно не схож повадками с черноризцем, какого не возьми. Это я с Грузии приехал, кабы царю Годунову доклад учинить о делах грузинских, а вы уже и поставили Димитрия, чему мне подивиться пришлось, да принять, как должное, – отвечал на выпад Голицына Михаил Игнатьевич.

– Буде, бояре! – прикрикнул на своих подельников Василий Шуйский. – Кто он, я не знаю, но знаю, кем быть не может. Я видел убиенного Димитрия!

Все промолчали, хотя каждый в столь нервном состоянии так и норовил указать главарю изменщиков, как он удачно всем и всегда врет. То убили Димитрия, то не убили, то сам на ножичек в злополучный день в Угличе напоролся, то тать подрезал.

Василий Шуйский же держался той позиции, что, даже, если Димитрий и есть тот, за кого выдает, так и он не имеет прав на трон Московского царя, ибо рожден ажно в седьмом браке Иоанна Васильевича. Нет, безусловно, Шуйский знал больше остальных о том, кем может быть тот, убить которого они собрались. Знал, но никогда не скажет, ибо и сам до конца сомневался. Мальчика похоронили, но кого именно? Тогда он был уверен, что Димитрия Иоанновича, после сомневался, но сейчас вновь принял за веру в убийство царевича.

А как сказать? Вот он я – первостатейный лжец Шуйский! Врал вам во всем и дале обманом жить стану? Так люд московский покорный, но до поры. А таких вралей не любит никто, можно и на вилы весь род Шуйских взять. И найдется, кому толпе дать правильное направление, чтобы не заблудились и нашли все усадьбы Шуйских. Те же Милославские, сегодня други закадычные, завтра уже и заговор плести станут. Так все боярство истинно отвечало сути аллегории про пауков в банке. Вот Грозному царю удалось усмирить всех, опустив до холопского состояния. Годунов был умен и изворотлив и смог оставаться на вершине, пока не извергся вулкан в Перу [извержение вулкана Уайнапутина 19 февраля 1600 года вызвало малый ледниковый период и три неурожайных года].

– С девкой-то что? – спросил князь Андрей Петрович Куракин, третий из главных заговорщиков.

– А что, Андрей Петрович, память Марину решил? – рассмеялся Голицын.

– Чур меня! Страшна же, да тощая! Под стать Димитрию, – Куракин перекрестился.

На самом деле все трое, да и не только они, но и те люди, которые уже были на изготовке в усадьбах Шуйских, нервничали. Уже была в январе попытка скинуть Димитрия, но она закончилась крахом. Только то, что недавно провозглашенный царь опасался боярского страха перед собой и других заговоров, спасло Василия Шуйского. Но те ошибки учтены. Почти что. Был бы Димитрий более осмотрительным, так послушал бы немцев, которые ему уже не раз говорили о заговоре [Лжедмитрию сообщали о заговоре, но он только отмахивался].

– Марину не трогать! – грозно сказал Шуйский.

– Да, что мы неразумные, Василий Иванович? Пошто нам с Мнишеком, да с Острожскими и Вишневецкими в свару лезть? – сказал Голицын и потянулся за кубком с вином. – Али с самим Карлом Сигизмундом?

– Нужно не проследить за тем, кабы в посольском доме не было бесчинств, – сказал Шуйский.

– Как и уговаривались, пошлем туда пять сотен стрельцов с Ромодановским и Петром Шереметьевым, дабы оборонить [Шереметьев с первых дней выказывал негодование переворотом Шуйского, скорее всего, он помог заговору лишь тем, что сохранил жизни наиболее знатным полякам и литвинам], – сказал Голицын, ухмыляясь.

Шереметьева, как сказали бы в будущем, «играли в темную». Нельзя было его посвящать в планы. Петр Никитич Шереметьев креатура Мстиславских, мог и попробовать переиграть. Шереметьев не будет довольным тем, что на трон сядет Шуйский. И Василий Иванович уже завтра собирался отправить Петра Никитича подальше от Москвы, тем более, что и не нужно будет ничего подписывать, являть свою волю, так как стрелецкие полки, да и часть конницы, уже готова к выходу на усмирение разгулявшихся казаков на Волге.

– Ну что, други мои, пора начинать? – ударил себя по коленям Шуйский, встал, разгладил бороду и демонстративно извлек из ножен саблю. – Все знают, что им делать.

Еще два дня тому назад люди Шуйского прошлись ночью по Москве и пометили все дома, где проживали немцы и поляки, а также те, кто им благоволил. Большая работа была проделана быстро и качественно и теперь князь Куракин, который и должен быть среди толпы москвичей и направлять ее, точно будет знать кого трогать в ходе бунта, а кого и не стоит. Конечно же, подобным образом Шуйский и его люди решали и собственные задачи, стремясь убрать тех худородных бояр, которых приблизил к себе Димитрий, ну и поквитаться кое с кем из знатных людей. Кого наказать за отъем земли, кого и за худое слово, или за то, что громче всех кричали о необходимости казнить Василия Шуйского еще после январского покушения на Димитрия.

***

Кремль

17 мая 1606 года

– Что за хрень! Присниться же! – сказал я, стараясь растянуться на кровати, как это обычно делал. – Не понял!

Потянуться в кровати не получилось, так как мое положение было чуть ли не полусидя. Подушка... одеяло... ортопедический матрас... После окончания службы и ухода в «гуси»-наемники, я уже почти что привык спать в комфорте. А тут...

– Что за хрень, я спрашиваю? – выкрикнул я под колокольный звон.

– Для чэго ние спишь? – раздался голос с левого бока.

– Вот те на! Ты кто? – опешил я, рассматривая ту, с которой я провел ночь...

Не помню ничего. Знаю одно, что я не мог напиться так, чтобы забыть все и вся, не принимал я никогда и разного рода веществ, чтобы такой эффект поймать. Так что же?..

И эта девка... фигурка ничего такая, но на лицо, да и не только... не в моем вкусе, хотя хотел бы я посмотреть на того извращенца, у кого такой вкус. Так и распирало спросить, где она рассаду на волосы брала, что такая растительность и на ногах и не только.

– Не позншь мни? – задала вопрос... а кто все же задал этот вопрос?

– Ну, прости, если ты понимаешь меня, ты же полька? Давай так, ты сейчас в душ и я тебя отвезу, куда скажешь! Если что не так, не обессудь! – сказал я и почесал свой шрам на груди.

Это было ранение, когда пуля прошла в сантиметре от сердца и у меня выработалась навязчивая привычка чесать то место, особенно, когда я пребывал в растерянности или смущался. Это было редко, но сейчас имело место. Девушка была той, которую явно я выбрать не мог, тем более, что только недавно начал встречаться с Наташкой – нормальной женщиной, могущей стать матерью для дочки Алисы, если ей вообще нужна еще мать, взрослая уже. И такой вот апломб.

– Что за хрень? – я повторил свой главный вопрос. Шрама не было.

Начиная себя ощупывать, я понимал, что тело не мое.

– Кто ты такая и что происходит? – с металлом в голосе спрашивал я.

– Звариовалашь? Естем твое жона, Марина! – девушка недоуменно на меня уставилась.

– Это кто еще должен удивляться? – пробурчал я, наблюдая ошарашенную реакцию той, что только что обвинила меня в сумасшествии и заявила, что моя жена.

Итак, тело не мое, это я уже понял, проверив некоторые особенности именно что моего организма. Кровать не моя, потолок... деревянный, стены оштукатурены и размалеваны какими-то замысловатыми узорами, посреди комнаты колона. Трусов нет...

– Ну, все, хорош! – крикнул я, надеясь, что сейчас выбегут те, кто все это устроил, и мы посмеемся над розыгрышем.

Ага! И тело чужое – это тоже розыгрыш?

– Димитрий, не познае це, – назвавшаяся Мариной, подгрребла материю, которая, видимо, была одеялом, прикрылась ею и вскочила с кровати.

– Не поверишь! Я тебя тоже не узнаю! Да и не Димитрий я! – с улыбкой сказал я.

Как там, у кого-то из великих? Я спешу посмеяться над всем, иначе мне придется заплакать? Плакать я не собирался точно, позабыл, как это делается. А посмеяться, я горазд. Смех, он снимает напряжение.

– Замкни се бо нас забие кеды доведца цо ты ни естес Деметриудшем, – Марина подошла ко мне близко и шептала прямо в ухо.

Смысл сказанного был в том, чтобы я не трепался, что не Димитрий, иначе нас убьют!

– Розыгрыш на вариацию Лжедмитрий и Марина Мнишек? – меня осенило, да и некоторое сходство с портретом Марины присутствовало.

Не совсем я и темный, историю всегда уважал. И в школе и в военном училище. Как-то пробовал прибиться и к движению реконструкторов, да работа у меня такая, что никак не получалось. А потом Светка ушла, оставив Алису на меня. Уехала в Арабские Эмираты и ни слуху, ни духу. Я выяснял по своим каналам, через коллег, никто ничего не знает. Была, поехала, вроде бы в Китай, там следы теряются. Ну и что было ее далее искать? Да и бесполезно это было.

Но кто же мог такое подстроить? Пашка? Это единственный мог друг, который обладал в достаточной степени средствами, чтобы заморочиться на такой прикол. Но на него не похоже, уж больно Павел Михайлович рачительный был, за копейку давился. Может Носов, мой крайний работодатель?

Сон! То не сон был! Я на зачистке более чем странного объекта взрыв. Петров вдали, смотрящий на младенца... Вот так сходят с ума?

– Я да, я Марина, а ты цесарь Москвы, – продолжала говорить, если верить истории, моя жена.

– Год какой сейчас? – спросил я.

Мысль о том, что все происходящее розыгрыш, не покидала меня, в иное просто не получалось верить. Путешествие во времени? Я материалист. Но год все же узнать хотелось бы, или проверить актрису, которая так изуродовала себя, отращивая волосы на ногах и в иных местах, лишь для роли. Да! Да! Тело не мое, но все равно, в некое хронопутешествие поверить сложно, потому я все же склонялся к розыгрышу. Смотрел как-то фильм, как паренька-мажора проучили, создав для него мир, в котором тот крепостной.

– Седем тысенц сточетырнасте, – сказала Марина, продолжая выпячивать свои глаза.

– Ага! Молодец какая! Теперь высчитывай! Хотя, чего высчитывать... месяц какой?

– Мая, – отвечала женщина.

Звон колоколов. Марина уже в постели со Лжедмитрием, май... Высчитать бы еще год, но что-то подсказывает, что сейчас 1606 год. И почему Марина не назвала от рождества Христова, в Польше же от Рождества считали? Впрочем, это не важно.

Что я знаю? Убьют, это точно, некий Басманов заступится, его тоже убьют. Я... должен буду куда-то лезть, потом упасть. Так и в каком-то сериале происходило, что также не так давно шел. Вот же? И откуда я столько времени находил еще и сериалы смотреть? Казалось, всегда занят?

Но думать! Нужно же что делать! Что еще? А москвичи будут идти меня выручать, а после, когда уже мое тело, растерзанное, будет где-то лежать, так измываться станут, плевать, да клясть последними матами.

Я говорю “меня”, “я”, подразумевая Лжедмитрия? Клиника.

– Итак, у нас квест. Задача выбраться живым из Кремля? – бормотал я себе под нос.

– Со се дзея, matka Боска? [что происходит?] – спрашивала меня Марина, но я был занят своими мыслями.

– А, если я кого убью? Или... – меня осенило вновь.

Это симуляция, конечно, что именно так. Компьютерная игра с погружением, или еще что-то в этом духе. Тот беспилотник, который ударил по объекту в Находке, не убил меня, теперь я сознанием в симуляции, а врачи борются за мою жизнь. А что, если на исход операции, или какой-нибудь терапии, повлияет то, что я смогу лучше, чем в реальной истории, если останусь жив. И книги в последнее время появлялись про попадание людей в игровые симуляции.

Это вполне себе объясняет и тот факт, что я не в своем теле... да все объясняет. Но, насколько же все реалистично?! Прекратить рефлекссию, собраться и действовать!

– Государь! Государь! – послышался за дверью крик.

– Войди! – повелел я, забыв, что сам стою в нигляже, да и Марина, не особо стесняется демонстрировать свою волосатость.

Дверь распахнулась, и на пороге встал, как вкопанный, мужик. Среднего роста, с непропорционально широкими плечами. Подозревал, что и у меня такие же.

– Прости цесарь, прости царица! Бесы попутали! – вошедший плюхнулся на колени, но продолжал пялиться на голую Марину.

– Димитреус, пшестань мне понижать? – вскрикнула женщина и прикрыла свои прелести тем, что ранее я определил, как одеяло.

– Да не хочу я тебя унижить. Больно надо! – ответил я на укор Марины.

Было решительно наплевать на эту даму. Вот бывает так, что с одного взгляда посмотришь на женщину и не то, что не хочешь ее, а и присутствовать рядом гадко. Так и у меня, ну не нравилась Марина и ничего тут не поделаешь. Тем более, что понимание, или знание ее поведения в будущем... Не по нраву мне ветряные женщины и моя Светка была, вроде бы, до поры, нормальной, домашней и хозяйственной. А вот Марина... и Лжедмитрий Второй узрит

ее волосатые ноги и какой-то там польский военачальник. И это только то, что останется в истории, на века.

– И вообще, ляшка, помолчи! Ну, в смысле, поляк, он же лях, а ты полячка, значит – ляшка... Помолчи! Нет, собирайся и беги из Москвы, подальше, к папе, или еще куда! Убивать меня придут! – сказал я и почувствовал пристальный взгляд вошедшего мужика. То же недоумение, что ранее было на лице и у Марины.

– Государь! Речи свои ладишь... – было начал говорить мужик, но я его осек.

– Ты кто? – спросил я и вошедший перекрестился.

– Господи, прости мя грешного! Помутился рассудком ты, государь, – сказал мужик тихим голосом и после выкрикнул. – Секи голову мою, государь, за мои речи дурные, аль язык вырежь, ибо достоин я того.

– Отвечай, холоп, когда государь спрашивает! Кто есть таков? – спросил я, вживаясь в роль царственной особы.

– Холоп я твой, государь, Петрушка Басманов, – сказал потомственный фаворит Петр Федорович Басманов.

– Вот, что Петр. Мне нужно знать, сколь много охраны в Кремле, кто главный, есть ли оружие... пистолы или арбалеты, чтобы были готовы кони и где взять самые ценные монеты, – сказал я, и Басманов вновь недоуменно на меня посмотрел.

– Но отчего, государь бежать вздумал? Али поверил тем немцам, что про крамолу тебе поведали давеча? – спросил Петр [Лжедмитрию говорили про готовящийся заговор за два дня до убийства, а Басманов ночевал рядом с Петром после свадьбы постоянно].

– Петрушка! Волю цесаря исполнять нужно? Так и исполняй. А еще... кто командует солдатами... воинами? – спросил я.

– Так немец Гумберт сотником. А охраны твоей головою сегодня Димитрий Шуйский, а так я голова, сам ты, государь, на то волю явил свою. А Дмитрий Иванович Шуйский именем твоим сказывал, чтобы охрану поменьшили. Кто ж первому дружке на свадьбе цесаря перечить станет? – говорил Басманов.

Хотелось отчитать этого “Петрушку”. Ну как не понять, что готовится заговор, когда и немцы об этом говорят и охрану Кремля уменьшают? Ну и я хорош, в смысле Дмитрий, не слушаю ничего и ни о чем не думаю, только об волосатых ногах Марины. Тьфу, блин. Далась мне эти ноги!

– Марина, быстро собирайся и уезжай, – сказал я ляшке, а потом повелел Басманову. – Возьми десяток охраны! Кто там, алебардчики? И приведи их ко мне, прикажи слугам, ну, холопам, челяди, чтобы все оружие, что есть приносили. Да узнай, тишком только, где Димитрий Шуйский. Коли во дворце, так... делай, что велено!

– Нигде ще не вибирам! Памятай, ким жестам и ким естес, – кричала Марина.

– Ты, мне, курва ляшская будешь место указывать? Никуда не поедешь? Не едь! Оставайся! Пусть тебя разложат тут Шуйские по очереди! – злобно говорил я.

Пусть я и не царь, но уважения к себе имею. Не будет Марина указывать мне, что и как делать. Она мне в одном пригодится...

– Ты не ешь Диметриус, ты бес! Бесы! – сказала Марина и попыталась кричать.

– На! – ударил я полячку в висок. – Ну и где тут какой нож?

Нож я нашел и перерезал Марине Мнишек горло.

– Хрень какая! Симуляция так реалистична быть не может! – сказал я, укладывая голую жену Лжедмитрия у кровати.

То объяснение, что вокруг симуляция, и я воюю с неписями, что все не взаправду... я убедил себя в этом. Я был уверен, что это так и есть. Но запах крови и смерти... я его знаю, это нечто метафизическое, что не столько пахнет, сколько воспринимается чувствами. Я только что убил талантливую актрису?

– Эй, где камеры. Вы же это видели! Так давайте, выходите! – кричал я, но никто не откликнулся, я мои слова уже казались более саркастическими.

Я работал, именно так, как учили, как умею, без сантиментов.

Я выждал еще с минуту, и под очередную колокольную трель, стал обыскивать комнату.

– Перестаем думать, что произошло и работаем. Задача – спастись. Время уходит, – бормотал я, выискивая монеты, или оружие.

Сундучок с золотыми монетами я нашел под кроватью, а в соседней комнате был доспех. Красивый такой, с пластинами, сложный с вензелями и узорами, сверкающий позолотой, аж до рези в глазах.

– Нельзя! – одернул я себя, борясь с желанием одеть такую красоту.

Если я собираюсь бежать, то нужно, по крайней мере, одежду найти более-менее нейтральную. Этот же доспех, может и защитил бы от стрелы, или пули на излете, еще бы знать пробивную способность местных пуль, но он по любому демаскировал меня.

– Золото! Золото! – говорил я, перебирая кафтаны, найденные в сундуке в той же комнате, где и доспех.

Это сколько денег только вот тут, в одной комнате? В России не было средств, чтобы содержать и обучать достойную армию? А сколько будет стоить вот этот кафтан, вышитый золотой нитью, в чем я не сомневался, не вольфрам же это или еще какой металл? Много стоит, полк наемников на месяц оплата, но это не точно, еще бы понять ценность деньгам и одежде!

– Государь! – послышался голос Басманова, раздающийся со стороны лестницы.

– Шустрый! А еще писали, что в этом времени все люди были медлительны, – пробурчал я, взял саблю и сундук с золотыми монетами и пошел навстречу Петру.

Он не должен увидеть убитую Марину. Немного опрометчиво я поступил с ней. Нет, решение было вполне продуманным, как бы это не прозвучало самонадеянно. Да, ее крик про то, что я не я, или... запутался. В любом случае, она вошла в истерику и не оставила мне выбора.

Уже после содеянного, у меня родился план. Так, я хотел подставить и тех, кто поднял мятеж и решить собственные задачи.

Во-первых, убитая дочь Юрия Мнишка, или Мнишека, не знаю, как правильно склоняется эта фамилия, – это больше, чем насильственная смерть шляхтичей, которых сейчас будут вырезать по всей Москве. За это мстить будет и Мнишек со своим патроном... кем? Острожским? И родственник Вишневецкий не должен оставаться в стороне.

Ну и я буду показательно сильно горевать по Марине, любви моей. Нет, конечно, не буду, но повод для мщения есть и при этом я не рассорюсь с поляками, буду свободным от брачных уз, через которые меня должны продавливать и приручать. Ну не с такими же волосатыми ногами Марины мне жить, если все-таки предполагать худшее, и я попал в прошлое.

– Государь, вот десять рынд немецких! – запыхавшись, сказал Басманов [в день убийства Лжедмитрия I его охраняло 50 немецких алебардчиков, остальных именем царя отпустил по домам Василий Шуйский].

И тут мог выйти конфуз. Я-то немецкий плоховато знаю, больше английский, или французский. Где служить довелось и с кем воевать пришлось, те языки и выучил. А немцы в нашем времени интересов в Африке не имели, да и в целом, так себе вояки... еще бы понять где наше, а где их время.

– По-нашему говорят? – спросил я

– Понимать, государь! – отозвался рослый мужик, чуть ли не на голову выше Басманова, о себе не хочу говорить, ибо я, скорее всего ниже даже Петра.

– Мы сейчас уйдем, но об этом знать никто не должен. Заприте ворота, оставьте десяток и тяните время. После уйдете... – я задумался. – Куда бежать станем, Петр?

– Так можно и в Чернигов, али Серпухов, в Тулу. Тебя, государь оттуда звали на царство, туда можешь и возвернуться от татей, – Басманов посмотрел на меня и некоторым прищуром спросил. – Государь, а ты не ошибся с крамолой?

– А ты взял под стражу Дмитрия Шуйского? – ответил я вопросом на вопрос.

– Как ты и велел, государь. Токмо Димитрий Иванович крест целовал, что ни сном, ни духом он о бунте! – сказал Басманов с явным сомнением в том, что именно происходит, и правильно ли я поступаю.

Пусть думает, что хочет, главное, чтобы исполнял, если желает еще немного прожить... немного.

– Веди его ко мне и после седлай коней! Никаких карет! – повелел я Басманову и, дождав-шись, когда он уйдет, вновь обратился к командиру алебардщиков. – Господин Гумберт, ваша задача еще в том, чтобы бунтовщики были уверены, что я в Кремле и с царицей. Они должны ворваться вовнутрь и искать меня. Вот это за работу, придете ко мне после, я дам еще столько же.

Я протянул штук двадцать золотых монет, не уверен в количестве. По сияющим блеском глазам наемника, я понял, что этой суммы более чем достаточно. А мне нужно срочно понимание ценности и стоимости каждой вот такой монеты, чтобы не разбазаривать добро по-пустому.

– Я есть благодарить и вся сладить, по правде, государь, – сказал Гумберт.

– Тогда за работу! – сказал я и решил вернуться и забрать кольцо, которое, видимо, принадлежало Марине и которое лежало на... это, наверное, называется, трюмо, или комод, а, скорее всего, ни так, ни эдак.

В том, что я называл трюмо были еще перстни, браслеты, диадема, или корона.

– Все забирать нельзя, иначе так и будут звать вором. Но вот это, – приговаривал я, укладывая в узел драгоценности, что я быстро сделал из того, что можно было назвать наволочкой.

– Государь! – выкрикнул Басманов.

– Вот же неугомонный, шустрый и быстрый, – приговаривал я, быстро направляясь к двери.

Еще не хватало, чтобы тело Марины заметил еще и Шуйский, даже, если участь брата того, кто затеял государственный переворот, уже предreshена.

– Вот! – как-то скомкано, без особого энтузиазма, Петр Басманов указал на мужика, которого привели двое немцев.

– Ну, Димитрий Шуйский, поговорим с тобой? – спросил я, указывая рукой на двери в спальню Марины, где я и очнулся.

– Отчего, государь не поговорить, а то, вот МЕНЯ, Шуйского, словно татя какого! – Дмитрий грозно посмотрел на Басманова.

– Да, будет, тебе, Димитрий Иоаннович местничать. Я волю государя исполнял! – оправдывался Басманов.

И это оправдание мне не нравилось. Лебезит перед этим Димитрием Петька, как бы другого Дмитрия, то есть меня, не предал. Был кто-то из приближенных Лжедмитрия, кто его до последнего оборонял, Басманов ли? [Петр Федорович Басманов, действительно, был со Лжедмитрием до конца и отказался его выдать, от чего его труп был выставлен рядом с трупом Лжедмитрия]

– Седлай коней, мы уезжаем! Если есть еще кто, что с оружием, да верный, так бери с собой, – приказал я Басманову.

Басманов побежал. Так он сегодня все нормативы по челночному бегу сдать мог бы. Но пусть бежит. И в правду, звон по Москве становился все громче и уже казалось, что все сорок сороков, или сколько в Первопрестольной церкви, звонят не переставая. Потому и спешить нужно.

– Что Димитрий Иоаннович, бежать станешь? – спросил Шуйский младший, Василий же еще имеется.

– А что, не стоит? Убивать меня никто не будет? – спросил я, не собираясь отвечать на вопрос того, кого собирался убить.

– Ты отрекись! Возьми все, что увезти сможешь, да схизматку свою забери распутную, да беги. У ляхов дом купишь, шляхтичем станешь, телятину есть станешь, да в полдень не спать, – говорил Дмитрий Шуйский, а я все мотал на ус.

Реалии местные, конечно... это мне сейчас предъявляют то, что я ел телятину? Вот и не знал, что ее есть нельзя. Как по мне, так отличное мясо, полезное, много белка, мало холестерина. А что еще мне ставит в укор Шуйский? Обеденный сон? То, что я, то есть он, Лжедмитрий, в обед не спал? Ну ведь это странно... В смысле попрекать этим, напротив, если государь бодрствует, да еще и работает, так и благо стране. Или я настолько не понимаю людей этого времени. Времени? Все же это попадание в прошлое? И не лихо я развернулся? Уже одна смерть на мне, вот, собираюсь и вторую на душу принять.

– В чем еще моя вина? – спросил я, решив все же потратить две минуты для большего понимания ситуации.

– За ляхов и их распутство, за то, что музыка и танцы не скончаются в Кремле, что пригласишь худородных, а знатных бояр задвигаешь... много чего, Димитрий, – Шуйский осклабился. – Ты бы бежал уже, да подальше.

На последних словах, тетка из семейства Шуйских, почти без замаха, саданул мне в глаз.

«Сука, Басманов, научу еще его веревки правильно вязать!» – успел подумать я, делая шаг назад и чуть не падая. Удар у этого мужика был неслабым. Мое новое тело реагировало хорошо. Я не замечал каких-либо отклонений. Однако, первый же мой блок от нового удара Шуйского доставил массу неприятных ощущений. Все же тело не безнадежное, но не тренированное, точно.

– На! – выкрикнул я, нанося прямой удар в пах.

– Ты не царь! – зло процедил Дмитрий Шуйский, скручиваясь от боли.

– Хех, – нанес я хук правой рукой, которым я закономерно вырубал любого, кто умудрился так подставиться.

И... сейчас удар получился так же духовышибательным.

Молча я достал из сапога Шуйского нож и нанес ему выверенный удар в сердце. После еще и еще, как будто его убивали в припадке. После потащил тело второго человека в семейной иерархии клана Шуйских в комнату, где уже лежала Марина.

– Вот так, – сказал я, стягивая портки с Дмитрия Шуйского. – Теперь вот так.

Я инсценировал сцену изнасилования. Тут же нет судмедэкспертов? Так вот, по всему получалось, что Шуйский пришел к Марине и ее насиловал, или раздел и пытался это сделать. Мнишек ударила насильника ножом в сердце, о чем будет свидетельствовать нож в ее руке, а Шуйский, еще до собственной смерти успел убить Марину. Кто виноват? Шуйский, конечно! Насильников, думаю, и в этом времени не особо жалуют, особенно не поймет такой шалости отец Марины, Юрий Ежи Мнишек.

– Государь! – блин, ну опять Басманов. – Государь?

Этот шустрик зашел-таки в комнату, из которой я уже выходил.

– Все готово? – спросил я требовательным тоном.

– Государь? Но как же? Дмитрий Иванович, – он же не успел бы снасиловать! – было видно, что Петру Басманову искренне жаль Шуйского.

– Ты со мной, Петр? – спросил я, готовясь уже превращаться в мясника и кончать еще и Басманова.

Но именно на него у меня появились некоторые планы. Да, все равно придется и его убить. Он видел слишком много нестыковок со мной и с тем, кто раньше пользовался этим

телом, в которое я переселился. Если я переселился в тело Лжедмитрия, а в это мне все больше и больше верится, то с моей личностью и так слишком много странностей, чтобы их плодить и далее. Но, раз уже много нестыковок со мной и самозванцем, то нужно больше узнать о мире, людях, условиях и ситуации, в которые я попал. Да, действительно, во всех смыслах, – попал, так попал!

– С тобой государь, как же без тебя, – сказал Басманов.

– Вот и правильно. Глянь, – я показал пальцем на свой левый глаз, который болел и явно должен был уже начинать отекать. – Это Шуйский так ударил. Своего государя! Должен был я его убить?

– Прости государь, усомниться себе позволил, нет мне прощения, – Басманов плюхнулся на колени, но что-то слишком много наигранности было в действиях этого человека.

Не должен быть Басманов простаком, такие при трех государях в фаворитах не ходят. Вот и я начал выискивать некоторые моменты в поведении Басманова и стал замечать нестыковки. Но на кого сейчас положиться? Вроде бы Басманов из той истории и сейчас не оставляет меня. Ну, а захочет быть в фаворе, так сослужит службу, а я буду тем, кто фавором наделять может, так и оставлю подле себя. Ну а пока бежать.

– Все готово? Коней седлал? – спросил я.

Дождавшись утвердительного ответа, мы выдвинулись к выходу. Вдали раздавались выстрелы и крики. Как бы не было поздно. Заигрался я с Мариной, да с Шуйским. Но... история уже пошла иным путем, так что больше оптимизма! Авось и проскачу и не буду сегодня убит. Или было бы правильным умереть, чтобы вернуться в свое время? Нет, слабости не нужно. Вряд ли жизнью множество. И вообще нужно будет на досуге подумать, что это за сила такая могла меня сюда перенести. А сейчас бежать.

Выбежав на крыльцо, я почувствовал, что у меня защемило нос. Ну, понятно, что в начале семнадцатого века все должно быть натуральным, но я рассчитывал на чистейший воздух, а почуял натуральную фекальную вонь, замешанную на аромате конского пота. Наверное, это нормально. Но это же царский терем, или дворец, неужели нельзя вовремя все убирать, да коней чаще мыть?

– Государь в конюшню пойдешь и сам выберешь коня, али твоего гнедого подвести? – спросил Басманов.

– Все равно! – сказал я, предвкушая, как сейчас покажусь лихим наездником.

Ни разу. Никогда я не занимался конным спортом. Все мое знакомство с конями – это три раза съездил на конные прогулки со Светой-женой и еще до нее были любительницы такой романтики. Сейчас же нужно будет сказать, что Шуйский ударил меня по заднице, чтобы хоть как оправдать неловкость и по ногам и по рукам. Небось, прошлый носитель тела был более приучен к конной езде.

– Государь, мои люди сказать, что сюда идут москачи, – ко мне степенно, но быстро, подошел командир алебардчиков и сообщил о приближении толпы.

Пора! Под недоуменные взгляды, я перевесил сундучок с золотыми монетами и узел с драгоценностями на спину жеребца, взгромоздился на показавшегося мне высоченным коня, натянул поводья, или, как это называется, уздцы, ударил ногами в бочины животного и чуть не упал. Конь показал свою строптивость и что так с ним обращаться не стоит. Но через минуту я все же совладал со своим средством передвижения и побрел в сторону, куда первым направился Басманов и еще пятеро человек.

– Басманов, а это кто? – спросил я, указывая на людей, что к нам присоединились.

– Так, государь, как же ж иначе? Мы сами бы и не забрали все: скипетр, державу, шапку, да корону, снеди, да золота, кабы было чем платить, да стяги нужные, бумаги, – говорил, Петр и я понимал, что он прав.

Про государственные символы я и не подумал. Возможно же такое предубеждение, что у кого эти символы, тот и царь? Вряд ли, но они точно лишними не будут. Да и про разного рода документы я забыл. Но вот эти пятеро... они меня смущали, я то думал, что будет только Басманов. Выведаю у него все, что нужно, да в утиль. Ладно, посмотрим еще. Квест еще не пройден!

А то время, как мы уже отъезжали от Кремля, начали раздаваться новые выстрелы и что-то мне подсказывало, что это не просто пальба в воздух.

Глава 2

Москва

17 мая 1606 год 4.10 – 6.15

– Чего ждешь, Василий Иванович? Отчего не решаешься? – спрашивал Андрей Васильевич Голицын.

– Нешто мне, Андрей Васильевич, беспокойно, – отвечал самый изворотливый лис среди бояр.

– Так то и должно быть так. Но не страшись, мы дело уже начали, назад дороги нет! Али снова телятины захотелось? – подтрунивал Голицын.

Вместе с тем и сам Андрей Васильевич не чувствовал себя уверенно. Весь план быстрого государственного переворота держался на множестве условностей. И стрельцы могут при виде Дмитрия ступешаться, ибо сильна вера в безгрешность и возвышенность государя, может и самозванец наговорить столько, что и сам Шуйский переменит решение. Вот чего было не отнять у Дмитрия, так это умение убеждать в своей правоте. Умел он говорить, да так, что заслушаешься. Притом подбирал слова и для боярина, и для казака, и поляк иной пропитывался верой в то, что на правильной стороне стоит.

Люд московский может и обернуться против заговорщиков, даже сам Дмитрий имел возможность закрыть Кремль, выставить всех слуг с арбалетами, а кого и с пищальями, на стены, да оборону держать, а еще там пять десятков немцев-алебардчиков, да Басманов, да и самозванец не робкого десятка, стрелять, да сабелькой махать умеет. Могут же успеть прийти на помощь Дмитрию и немецкие наемники и франкские, да и ляхи могут бежать в Кремль, чтобы укрыться там. А Нагая Марфа? Да только одно ее слово и все... никто, даже из собственных боевых холопов не осмелится убивать государя, чтобы гнев божий на себя и всех родных не снискать.

Так что делать все нужно быстро, чтобы защищать было некого. Убитый Дмитрий сразу станет неинтересным, ненужным. И москвичи уже не будут за него бежать на польские сабли, да никто не будет. Те, что еще вчера были рядом и за Дмитрия, станут сразу же против, ибо мертвый, он никому не нужен, он и не наградит и иной милостью не обласкает. Тут было важно, чтобы нашелся тот, кто страшный грех царубийства на себя возьмет. Да, такие люди среди заговорщиков найдутся, Шуйскому не придется марать свои руки.

– Брат мой, Дмитрий Иванович, весточку послать должен был, что все по уряду идет, – объяснил причину своего сомнения Василий Шуйский.

Он только не объяснил иного, чтобы не быть заподозренным в колдовстве. Шуйский всегда, ну или почти всегда, чувствовал опасность. Словно зверь чуял он, что не так должно быть. Вот рано утром, еще до того, как на Ильинке князь Куракин скомандует бить в набат, все было хорошо, Шуйский был уверен в успехе дела, но не сейчас. Чуял, но логического объяснения не находил, потому пытался сам себя убедить, что все так, как и должно.

– Идти нужно! Или нынче голову воренка подыдем и людям покажем, либо свои сложим. Иного нет! Веди, Василий Иванович, – сказал Татищев и передал Шуйскому булаву, словно это был символ власти.

– А и пойдем! – решил Василий Иванович.

***

В 4.25 утра 17 мая 1606 года от рождества Христова сотня конных боевых людей выехала из усадьбы Василия Шуйского, уже через пятнадцать минут к этой силище примкнули еще сто человек. То были боевые холопы Шуйских и Голицыных, Татищев же подговорил два десятка стрельцов на бунт.

А вокруг уже всю звонили колокола, Москва заливалась звонким звучанием. И этот звон для русского человека все: и смерть, и воскрешение, и трагедия, и счастье. И весь люд московский будет бежать к Кремлю, где голова всей русской земли, там царь и он уж точно знает, как именно поступить и что делать. Отец родной, которого Бог одобряет, ибо нет царя, что не миропомазан церковью.

И при этой религиозности и метафизической связи многих русских обывателей с царем, парадоксально, но находится место и для сомнения, для спора с царя, коли он иной, обычаи не блюдет, али слаб и не грозен в своих делах.

Постепенно, но улицы Москвы оживали. Первыми вышли из усадеб люди заговорщиков. Вся обслуга в усадьбах, оставляя на хозяйстве, может, только стариков и некоторых женщин. Челядь была разбужена еще за час до начала грандиозного, скорее всего, кровавого спектакля. Эта кричащая и галдящая толпа своими лозунгами и откровенным ором будила москвичей в не меньшей степени, чем колокольный звон.

Люди были сонные, болящие похмельем, ибо выпить за свадьбу Дмитрия Ивановича – то важное дело. А, коли учитывать то, что многие пьют редко, то болезненность в лицах мужиков, выходявших из своих хат, была сегодня частым явлением.

Но были и другие люди, в том числе и новгородцы, в чьей крови все еще бурлило бунтарство и свободолюбие. Не хотели новгородские бояре уходить на войну с турками, к которой готовился царь Дмитрий, не их это, тут со шведами решать нужно, а не крымчаков бить, уж тем более турок, чья мощь вызывала оторопь. Потому-то новгородцы и выводили своих боевых холопов, да и сами были не прочь покуражиться. Но лишь для того, чтобы быстрее уйти домой. Ну как же тут сидеть, когда навигация уже всю началась, того и гляди, кто из иноземных торговых гостей и приедет? Кто тогда торговать станет с немцами? Те трусы, которые остались в Новгороде? Нет, быстрее на лобное место и смести с лица земли эту немчуру, на плечах которой и держится власть Дмитрия. Иноземные купчины и так весьма редкие гости на Руси, так что за торг с ними большая конкуренция.

***

– А что деется, Авсей? Ась? – спросила Колотуша, которая прямо изнывала от того, что чего-то не знает.

Главная сплетница всей улицы всегда все и обо всех знала, иногда и придумывала истории, не без этого, но только, как говорится, основанные на реальных событиях. И сейчас она ничегошеньки не знает, это больно для Ульяны Никитичны, пожилой стрелецкой вдовы, с которой-то и общаются, и не забывают только потому, что она кладезь сплетен и вечно снующее по Москве «справочное бюро».

– Ульяна, вот тебя и поспрашать хочу. Что это по Москве творится? Али пожар, может еще что? – Авсей Скорняк пристально посмотрел на женщину, что все кличут Колотушей. Ну быть же такого не может, чтобы она ничего и не знала.

– То не пожар, люди иначе идут, кричат всякое, что бить немцев, да ляхов нужно. А еще...
– Колотуша придвинулась поближе к мужчине. – Говорят, что немцы те... снестать телятину заставляли царя. Во как!

– Да ты что, старая, то грех великий! Иоанн Васильевич и на кол за такое садил! – Авсей задумался. – Пойду-ка и я топор возьму. То ж надо царя нашего Димитрия Иоанновича принуждать к грехопадению! Побить ляха и все недолга!

– Во-во, Авсей, ты иди, возьми топор! – сказала Колотуша и быстро семеня своими коротенькими ногами уже к другому страждущему информации, причитала. – Ой, не к добру все, ой кровушка прольется! Авсей еще за топором пошел. Надо сказать, кабы мужики взяли топоры, да вилы, а то Авсея прибьют одного, а гурьбой, так и немцев бить сподручнее.

Не знал Василий Шуйский к кому обратиться за помощью в распространении информации. Ульяна-Колотуша, несмотря на свой уже почтенный возраст в пятьдесят два года, да немалые телеса, четверть всей Москвы оббежать смогла бы за ночь, подымая народ на немцев.

– Никодим, и ты тут? – спросил Авсей, заметив своего кума-сапожника, кому и кожу продает, с кем и детей всех своих перекрестил.

– А то, как жаж! – важно отвечал Никодим Рукавицын. – Что Колотуша говорит-то?

– Да всякое непотребство. Что царь наш Димитрий Иоаннович и телятину ест, днем не спит, да ногами своими ходит в полудни по Москве, да что католичка его... – Авсея понесло и он стал выкладывать все сплетни, что ходили по Москве уже как пару месяцев.

Никодим все это знал, уже не раз слышал, но за неимением иной информации, с превеликим удовольствием послушал сплетни и в изложении кума.

– Ты хулу на царя не наводи, – грозно посмотрел на своего друга Рукавицын, после того, как Авсей стал и царя впутывать в грешные дела. – А то и не погляжу, что и кум мой и что ты грозный статями.

– Ты не серчай, Никодим. Сам не понимаю, что делается вокруг. Слышу, что кричат бить немцев, а уже иные люди кричат, что государь ведет себя, как схизмат и все ляхов привечает, да худородных, – говорил Авсей.

Подобная мешанина была в головах почти каждого москвича. Еще недавно, они смогли скинуть ублюдка Федора Борисовича, вот так же собравшись толпой и пойдя на лобное место, после в годуновскую усадьбу. А уже после многие люди и подумали: а был ли Федор ублюдком? И пошто убили его, отрока еще? Не, что его мать изрубили, то понятно – малютино племя истреблять нужно и Марию Григорьевну Годунову, дочь Малюты Скуратова, ката Грозного царя, заслужено убили. А Федора Борисовича за что? Но тогда возникает вопрос еще один: а почему, если малютину дочку Марию убили, то почему тогда живет и здравствует дочь друга Малюты Скуратова-Бельского, Екатерина? Потому, что замужем за Дмитрием Ивановичем Шуйским?

Ох! Думать обо всем этом было сложно, особенно после того, как вчера выпил на чарку меду более допустимого. А потому... бить немцев!

***

– Ну, Василий Иванович, есть вести от брата твоего? – спросил подскакавший князь Куракин Андрей Васильевич.

– Нет, но мы идем в Кремль! – сказал Шуйский, придерживая своего ретивого жеребца за уздцы.

– Дорогу до Кремля я знаю. А на лобном месте что скажешь? – задал очередной вопрос Куракин.

– А ты не направил московский люд на немцев? – раздраженно ответил вопросом на вопрос Шуйский.

Василий Иванович предположил, что москвичей, с подачи Куракина, направляли на Соборную площадь, к лобному месту и тогда у него может и не получится спокойно взять Кремль.

– Нет, пошли бить немчуру, но народ завсегда стекается к лобному месту послушать, что бирючи [глашатаи] скажут, – оправдывался Андрей Васильевич.

На лобном месте былолюдно. Толпа все более ширилась и становилась плотнее. Многие москвичи, обладая любопытством, что свойственно, впрочем, не только жителям Москвы, шли послушать, что именно произошло. На лобном месте, оттуда, где рубят головы, четвертуют и казнят иными способами, завсегда были люди, которые скажут, что именно нужно делать и вообще, почему церковь Ильи Пророка вдруг огласила округу звоном своих колоколов, и ей стали вторить иные храмы.

Выехав на лобное место, Василий Иванович Шуйский чуть ли не ахнул, но сдержался и надменное лицо, с высоко поднятым подбородком осталось невозмутимым. Людей было не много, их было... да на Земском Соборе, когда Бориса на царство избирали, и то меньше. Очень много. Шуйский и не думал, что в Москве столько живет.

Нет, не живет, это, как раз-таки, то воинство, которое стало формироваться в округе Москвы, да и разного рода люди присутствовали, которые прибыли в столицу, чтобы получить свою «кость» с царского свадебного стола.

– Говори, Василий Иванович! – сказал Голицын.

Шуйский слез с коня, которого за уздцы уже держал служка, степенно достал из сумки большой серебряный крест и взошел...

– Что бы вот так же не подыматься, но на плаху, – пробурчал Василий Иванович и осенил себя крестом.

Вот на этом же месте Василий Шуйский уже должен был оказаться, когда в январе совершал попытку скинуть с престола Димитрия Ивановича. Он был разоблачен, заговор не удался. Тогда и приговор был уже вынесен, но... вор помиловал, сослал старшего Шуйского в Вятку. Теперь же, от плахи убежав, Василий Иванович вновь у места казней, но выносит приговор тому, кто посмел противиться восхождению самого Шуйского.

Можно ли этой толпе вдумчиво рассказать, что Димитрий Иванович не тот, за кого выдает? Можно, но уж явно не Шуйскому, который признал сына Ивана Васильевича. Да и понимал Василий Иванович, что нужны людям сейчас эмоции, что не простят ему сбор и суету в Москве, если народ московский не получит выход своему негативу.

– Люди! – кричал Шуйский, а бирючи, распространяли слова боярина дальше. – Литва возжелала извести царя нашего Димитрия Иоанновича. Пришли в дом наш и не чтут наряда нашего [Шуйский действительно, по свидетельствам, призывал бить Литву, то есть литовских шляхтичей, при чем за царя Димитрия].

Василий Шуйский отлично чувствовал толпу, особенно эту, которая все свои эмоции выражает ярко, без утайки, слово ребенок. И сейчас Василий Иванович четко определил, что можно и нужно нагнетать обстановку далее. Можно врать, а, скорее, приукрашивать в более темные тона то, что и сами москвичи видят. Покупают девок ляхи? Да! Но как может православная девица согласится лечь хоть с кем за деньги? Не может, значит, ее насильничают. И не важно, что это отец девицы сам отправил дочь ублажать того самого шляхтича, чтобы разом решить свои финансовые проблемы. В этом никто и никогда не признается. Следовательно, – точно насилие было.

– Они насильничают ваших дочерей, они не чтут нашей истинной веры! – Шуйский кричал, все более распаляясь.

И, ведь не важно то, что они и не могут чтить ту веру, которую не исповедуют. При том, Шуйский успел рассказать и о том, что ляхи, да и литвины, ходят в московские храмы и

молятся. И для всех было верхом кощунства и насмешек уже то, католики смеют креститься по-своему и не преклоняются перед иконами.

– И смотрят на лики святые наши, православные, и не только не преклоняются перед ними, но и насмеваются, – кричал с «трибуны» Василий Шуйский.

Шуйский вроде бы и говорил правду, да на некоторые вещи можно было посмотреть и с иной стороны. И в храмы они ходят с оружием. Ну, так без сабли шляхтичу вообще никуда, а в Москве, где неоднократно были различные стычки с боярами, да и с ремесленным людом, наличие сабли порой решало конфликт и без драки. Ну, одним из главных обвинений было то, что прибывшие на свадьбу царя иностранцы... ели говядину.

– Ибо сказано: не вари мясо теля с молоком его матери, – Шуйский перифразировал на свой лад слова из Ветхого завета

***

– Авсей, идем на Немецкую слободу на Яузе! – говорил Никодим Рукавицын.

Глаза кумовьев горели неестественным огнем. Они, накаченные праведным гневом, были готовы рвать любого немца. А где их более всего? Правильно, в не так давно вновь отстроенной Немецкой Слободе.

Авсей уже был готов рвануть, бежать, быстро, не останавливаясь, пока не найдет того немца: франка, шведа, ляха, да хоть кого. Он будет грызть его, он будет рвать его. За веру, за поругание церкви. Это же можно его, Авсея унизить, но как же трогать Бога? Вот только топор плохо заточен, да ничего, можно же и обухом раскроить череп.

– Куды? Аль не слышали, как говорил боярин Шуйский Василий Иванович? Все дома с дурными немцами, особенно с литвой и ляхами, помечены. Где угольком, где и мелом. А Слободу не трогай! – сказал вдруг появившийся военный человек.

Это был боевой холоп князя Куракина, который должен был брать себе под управление вот таких мужиков и вести их туда, куда нужно, но куда не нужно, соответственно, не вести. Такой был приказ.

– Пошли, православные! – сказал боевой холоп Антип.

И они пошли. В отряде Антипа было уже двадцать пять человек, и он собирался направить эту силу на то, чтобы убить пять знатных литвинов, которые жили неподалеку от Кремля, в доме, что некогда принадлежал Семену Никитичу Годунову, сосланному и удушенному в Переяславле-Залесском. Этот не дом, а, скорее небольшая усадьба, располагалась в выгодном месте и ее занятие было бы весьма кстати Куракину. И как же свезло, что эту усадьбу облюбовали литвины, что приехали на царскую свадьбу.

– Там, – Антип показал на усадьбу. – Пять ляхов, может с ними будут слуги, мы ждем еще людей и начнем.

Антип был предельно важным. Ему льстило, что сейчас он, еще два часа назад холоп, имеет власть над людьми. Именно Антип, ну и его побратим, поведут людей на приступ усадьбы. Чем не боярин?

Через десять минут к воротам подошел еще один отряд таких же вояк. Теперь уже более чем шестьдесят человек, весьма смутно понимающих, что такое бой, пошли на приступ.

Первый успех воодушевил. Получилось сходу, всего-то с трех ударов заостренным бревном, выбить ворота. Никому не было дела, чтобы укреплять, ранее разоренную усадьбу, потому и ворота оказались хлипкими. Потом волна народного гнева переступила черту и стала разливаться по внутреннему двору усадьбы.

– Уйди, люд московский! Не враги мы и православие чтим! – выкрикнул Андрей Скрыпник, боевой слуга шляхтича Иеронима Пацы.

Скрыпник, действительно, был православным, как и еще четыре человека во служении шляхтичей. Иероним Паца, впрочем, вообще был протестантом кальвинистского образца. Было двое человек даже чтивших арианство, ранее бывшие так же православными. В Речи Посполитой религиозный вопрос, безусловно, был важным, но там уживалось очень много конфессий.

– Бей Литву! – закричал Антип, когда часть его «воинства» замешкалась.

Было непривычно слышать русскую речь, да еще и признание в том, что тот человек, которого нужно убить за поругание над православием, говорит, что сам исповедует истинную веру. Тут бы остановиться, потребовать прочитать «Символ веры», крест посмотреть, да чтобы перекрестился. Однако, накаченные ненавистью, люди вняли больше призыву убивать, чем скромную просьбу собственного разума и милосердия.

– Тыщ, ты-тыщ, – прозвучали выстрелы из дома и пролилась первая кровь.

Теперь уже остановить безумие было невозможно. Нынче только кровь, ненависть, смерть.

Никодим занес свой топор над головой и устремился к крыльцу некогда боярского дома, а ныне убежища, или крепости тех, кто еще вчера считал Москву покоренной.

– А-А-А, – кричал Никодим Рукавицын.

– У-У-У, – вторил ему Авсей, уже нагоняющий кума.

Дверь, когда два друга были уже на крыльце дома, резко открылась.

– Хех! – Андрей Скрыпник на выдохе разрубил голову Никодима.

Авсей встал, словно вкопанный. Его обрызгало мозгами и кровью кума. Вдруг, стало понятно, что это смерть, что можно сколь угодно кричать, хотеть справедливости, но вот оно, горе. Они с кумом захотели справедливости, они верили всему, что им только лили в уши, теперь две дочки погодки трех и двух лет и пятилетний сын Никодима остались без кормильца, когда мать была только лишь за мужем и не сможет прокормить и себя, не то, чтобы детей. И хозяйства нет, так как Никодим жил ремеслом. Если Авсей не возьмет к себе крестников, они помрут с голоду. А у него самого четверо детишек, да мать больная.

– Хех, – православный литвин рубанул по ключице православного Авсея, который пришел убивать за то, что был уверен, что литвин оскверняет русское православие.

– На! – боевой холоп Антип поймал литвина на том, что тот увлекся лишением жизни каких-то мужиков и отрубил тому руку. – Вперед, не робей!

Вот один вбежал в дверь дома, второй, третий. Это был успех и мужики, даже три бабы, воодушевились и толпой побежали внутрь дома. У всех участников штурма промелькнула мысль, что нужно быстрее, иначе ничего не достанется от ляхов, которых, конечно же нужно пограбить.

Антип с Фролом и Игнатом, побратимами, которые так же были боевыми холопами Андрея Петровича Куракина, входили в дом чуть ли не последними. Переступая через уже мертвых, и ругаясь на стонущих раненных. Они каждый держали в руках большое богатство, -заряженные пистолы голландской выделки.

Кровь, отрубленные конечности, сладковатый приторный запах крови. Все это вызывало отвращение даже у видавшего разное Антипа.

– От ты... Царица небесная! – Антип спотыкнулся на чьей-то руке.

Самый молодой из боевых холопов Куракина, Игнат, уже отошел в угол и тяжело дышал, после того, как еще желудок среагировал на картину, достойную висеть в доме самого Лукавого.

Между тем, несколько поляков или литвинов отступили на второй этаж и угрожали выстрелить в любого, кто попытается ступить на лестницу.

– А, ну, заряжай пищали! – скомандовал Антип.

Его никто не назначал командиром, но, учитывая состояние Игната, и явную растерянность Фрола, именно Антип становился единственным, кто мог принимать решения.

Из шестидесяти двух человек, которые прибыли для праведной мести к ляхам, в живых осталось меньше половины, были и те, кто оказался серьезно ранен. Только мастер польской школы сабельного фехтования Иероним Пац покрошил пятнадцать мужиков, которые и понятия не имели, как можно противостоять профессиональному воину.

***

– Открывай! – прокричал Василий Шуйский. – Пощажу!

Немец Гумберт не был дураком. Сын трактирщика из города Любек никогда не смог бы стать офицером знающего себе цену отряда наемников, если бы страдал слабоумием. Иохим Гумберт помнил все, что ему сказал царь Димитрий, но он помнил и о другом, чего царь не сказал, ибо такое говорить нельзя. Гумберт, как только царь в сопровождении людей Басманова скрылся за стенами Кремля, пошел проведать царицу. Да, уже было сказано, что она убита Дмитрием Ивановичем Шуйским и что этот грех должны люди знать.

Но... ну ведь не дурак же Иохим. Он сопоставил все, что видел, успел расспросить своих людей. И понял то... что у него есть очень важная информация, которую нужно грамотно продать. Причем речь не только о деньгах, но, и, вкуче с ними, о положении.

Шантаж Димитрия? Банально, только, если иного выхода не будет. При таком подходе в краткосрочной перспективе можно занять и более статусное место и разбогатеть. Однако, при первой же возможности, а у царя она появится быстро, – Гумберта не станет. Так что лучше бы сыграть в честность и преданность. Сохранил, мол тайну, выполнил все, что велели, так и уповаю на царскую милость. Гумберт немного, но стал разбираться в русском менталитете, на чем и рассчитывал сыграть.

И ведь Иохим не был бесталанным, он прекрасно знал воинскую науку, конечно, в рамках и духе времени, в котором жил. Он умел руководить своими людьми. В сотне Гумберта идеальная дисциплина и порядок, более, чем подобное имеет место в наемничьих отрядах. Командир алебардчиков еще и обладал уникальной способностью, которую не каждый полководец, несмотря на опыт, сумел развить. Гумберт видел поле сражения и мог во время боя думать и принимать решения, при этом сохраняя управление своей сотней.

Так что сын трактирщика хотел продать себя по достоинству, ибо в отряде наемников он достиг потолка – стал командиром сотни, а выше его только командир всего отряда в пятьсот алебардчиков, господин Альбрехт Лантон, который за собственные средства некогда и собрал отряд. И Лантон свое главенство никому не отдаст. А у Гумберта подходил к завершению контракт. Впрочем, контракт заканчивался и с царем Димитрием и его пролонгацию уже обсуждали, но пока ни к чему не пришли.

– Что быть с нами? – выкрикнул Гумберт, стоя у Фроловских [Спасских] ворот.

– Так открой, да поговорим! – обрадованно сказал Голицын.

Вестей от брата Василий Иванович так и не дождался. Уже даже не чуйка, но здравый смысл говорил о том, что с Дмитрием Шуйским что-то случилось. Тем более, был бы второй по старшинству в клане Шуйских жив, здоров и не полоненным, так он бы и открыл ворота. Все же сегодня ночью именно Дмитрий Иванович Шуйский был дежурным в царевой охране.

– Я есть открыть, ты, боярин, есть отвести людей своих, – сказал Гумберт, окончательно принимая решение.

Да, государь приказал тянуть время, чтобы он успел уйти. Но прошло уже более часа, как семь всадников покинули Кремль. Гумберт знал, куда именно направляется Димитрий Иванович с Петром Басмановым, и эту информацию можно было продать... но не Шуйскому, а самому же царю. В мутной воде беззаконья и борьбы за власть появляется больше возможно-

сти для взлета. А убийство Дмитрия Ивановича в единый миг прекращает это противостояние. И, как считал немец, после действительной смерти царя Дмитрия, в России должно все прекратиться и появится новая династия.

– Чего хочешь, немец? – надменно спросил Андрей Васильевич Голицын, который и был пропущен через дверь в массивных воротах.

Василий Иванович уже мнил себя правителем и посчитал, что ему не с руки разговоры вести с каким-то худородным немцем.

– Уйти! – спокойно отвечал Гумберт. – Не есть желание попасть под горячий рука.

– Скажешь где Дмитрий и что с ним, да почему я не вижу Дмитрия Ивановича Шуйского, так и иди! – надменно говорил Голицын.

Андрей Васильевич Голицын уже понял, что план по свержению вора рухнул. Кто-то предупредил царенка, или свою роль плохо сыграл Дмитрий Шуйский. Это он должен был успокоить вора, сказать тому, что суэта в Москве только лишь из-за пожара. Но что-то пошло не так и теперь голова Голицына уже не ощущала себя столь уверено на его же шее.

– Кесарь уехать, – скупое ответил Иохим.

– Куда? И что с Шуйским? – Голицын терял терпение.

Разговор шел у приоткрытой двери и с Андреем Васильевичем было пять человек его охраны, в метрах десяти был Василий Шуйский, с еще пятью охранниками. Можно было пробовать прорваться с боем, завязать драку и тогда в дверь уже через полминуты станут ломиться все двести человек боевых людей, которых привели заговорщики. Но для этого нужно обладать не только смелостью, но и лихим безрассудством, которое с годами всегда пропадает. Так что сильно напирать на немца Голицын не стал, даже, действительно, решил его отпустить. Тем более, когда Андрей Васильевич рассмотрел, что алебардчиков никак не меньше двух сотен.

Гумберт, как только понял, что колокола не о пожаре сообщают на церквях, нарушил порядок и послал на царских конях, да на подводах вести в Немецкую Слободу, чтобы срочно прибыла вся его сотня. Если бы заговорщики меньше митинговали на лобном месте, то подкрепление к Гумберту просто не пришло бы. Теперь же у него, вернее с ним, так как два отряда пришли со своими сотенными командирами, двести алебардчиков и сотня французских мушкетеров. Остальные наемники посчитали за лучшее организовать оборону в Немецкой Слободы, или вовсе, – уйти на время из Москвы. Никто не манкировал своими обязательствами по контракту, но, одно дело служить царю, иное, когда тебя, или твоих друзей начинают убивать.

– Убит Шуйски! Где есть кесарь, не знать, он говорить токмо с Басманов, – сказал Гумберт и всем свой видом показал, что быть справочным бюро не собирается.

– Собирай, немец, своих людей, да ступай отсель по добру. Окромя своего оружия, чтобы ничего не брали. Коли уплату вор не дал, то опосля придешь и поговорим об этом, как и о том, как далее служить станешь, – сказал Голицын и непроизвольно посмотрел на стоящего в стороне Василия Шуйского.

Василий Иванович Шуйский не имел детей и даже, в некоторой степени, разуверился, что они у него могут быть. Потому, когда он мечтал, и после, когда уже планировал государственный переворот, собирался именно своего брата Дмитрия Ивановича назначить приемником. Сейчас нужно искать другого кандидата на это манящее место.

– Кожу буду медленно снимать, на кол посажу, – рычал Шуйский уже въезжая на территорию Кремля.

Немецкие наемники быстро вышли из главной русской крепости. Толпа было попыталась на них напасть и немцы, в том числе и французы, даже успели изготавиться к бою, но люди заговорщиков среагировали, сразу начали кричать о том, что это, дескать, хорошие немцы, они и святыни наши почитали и государя от ляхов защищали. И вообще, ласковые и пушистые, чуть ли не православные. Шуйский понимал, что ему нужна сила и наемники отнюдь не помешают, а, напротив. Остается, конечно, риск, что немцы обозлятся за то, что сейчас про-

исходит в Москве, но к Немецкой Слободе потянулась именно что толпа, которую не удалось перенаправить. И это не так, чтобы и много, так что немцы отобьются. А он, государь Василий Иванович Шуйский, когда доберется до казны, со всеми расплатится.

Величественно, подражая образу, собственному восприятию того, того, как въезжал Иисус [используется дореформенное звучание] в Ерусалим, держа в одной руке саблю, в другой большой серебряный крест, Василий Иванович Шуйский прошествовал на своем коне через Спасские ворота, которые имели и иное название – Иерусалимские. Он уже отыгрывал роль истиннорусского, искренне православного, воистину Богом данного, царя. Шуйский действовал на контрасте, противопоставляя себя тому, кого собирался назвать колдуном, кто брил бороду и ел телятину, кто устраивал в Кремле игрища и даже с масками, кто допустил такого позора, когда протестантские пастыри читают проповеди у Спасских ворот Кремля. Пусть сравнивают! И Шуйский был убежден, что сравнение это будет в пользу его, законного царя, ведущего свою родословную от Ярослава Всеволодовича и от суздальских князей.

– Я сразу иду в царские палаты, ты ищи кого из челяди, может, кто что видел. Нужно срочно узнать, куда отправился воренок. И еще, – Шуйский задумался, о том, стоит ли поддаваться порыву совершить откровенный грех. – Убей того, брата Отрепьева, о котором говорили, что он сильно похож на воренка. По Москве разнести весть, что ляхи убили царя, в том порука и слово мое, твое, Татищева, иных.

Голицын слегка опешил от таких слов. Во-первых, Шуйского никто пока не избрал царем, во-вторых, – Андрей Васильевич в местничестве не так, чтобы и далеко от Шуйского, чтобы быть тому холопом и исполнять волю господина.

Ну и было третье... Для Голицына становилось очевидным, что план убийства Димитрия Ивановича рухнул. Коронованный царь жив. На что надеется Шуйский? Что нагонит беглого царя и убьет того? Так для этого нужно знать, куда именно поехал Димитрий. Уже сейчас все дороги, ведущие в Москву можно и нужно перекрыть. Но, как понял далеко не глупый Андрей Васильевич, Димитрий уже не менее часа назад, как выехал, да с заводными конями, без кареты. И это означало, что он будет спешить, совершать остановки только для того, чтобы дать отдых лошадям. А ему, Голицыну, нужно еще определить, по какой именно дороге поехал царь. Да, – царь, – Андрей Васильевич поймал себя на мысли, что называть Димитрия хоть Гришкой Отрепьевым, хоть воренком, желание отпало. Может еще не так все плохо и, в случае чего, можно все валить на Шуйского?

Глава 3

Дорога на Тулу

17 мая 1606 года 12.20

Спасибо провидению, или каким там еще силам за то, что вселили меня в тело хроноаборигена, но не заслали в собственное прошлое. И это, наверное, будет первый и последний раз, когда я за это буду благодарить. Дело в том, что я опасался верховой езды.

Общавшись с некоторыми фанатами истории и реконструкции, я уяснил то, что прогулки на лошадях с девушкой, которую соблазняешь своим романтизмом одно, но долгие переходы – это совсем иное. У меня должно все болеть, натирать, несмотря на тренированность и выносливость. Иные части тела задействованы в процессе, которые и далеко не все спортсмены развивают. Но ничего не происходило. Мало того, мышечная память с содружеством с логикой и здравым смыслом, давали некоторое понимание правил управления животным. Так что я думал, что не столь комично и неестественно должен был смотреться в седле.

Москва... как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось... писал наше все, Александр Сергеевич Пушкин. И вот эти звуки Москвы, которая

открылась мне, были зловещими, безумными. Они вливались в сердце и отзывались в нем более частым сердцебиением.

Толпа... это ужасное явление, когда теряется человечность, появляется некий коллективный разум, который не отличается принятием логических решений, но только лишь тех, что продиктованы эмоциями. У толпы всегда должен быть тот, кто ею управляет, по крайней мере, этот координатор должен создать толпу. Речами ли, поступками, ложью, или правдой, уже не играет роли, важно само наличие людской массы с потерей индивидуальности тех, кто эту массу заполняет.

И в Москве я эту толпу увидел. Поймал себя на мысли, что где-то именно так и должен был выглядеть зомби-апокалипсис. Оружие и бегущие куда-то люди с топорами, вилами, что характерно, с тремя зубьями и деревянными. Кто-то и с дрыном бежит. Все суетятся, выискивают что-то.

– Литва... убить... поругание святынь... ляхи... немцы... схизматики, – слова и отдельные фразы отбивали в голове барабанную дробь.

Безумие. Они понимают вообще, хоть кто понимает, что стал инструментом в руках заговорщиков? Есть ли осознание, что многие погибнут? Я еще не очень влился в эпоху, да что там, пока вообще не влился, но тот факт, что немцы или поляки не бараны, которые сами пойдут на заклание, понятен и мне. А шляхтичи польские? Польская школа сабельного боя если не лучшая, то одна из первых. Сегодня много христианской крови прольется. Кому тогда работать, кому ковать победы русского оружия, если сегодня треть ремесленников Москвы просто сложат головы?

Но меня совесть ничуть не мучала. Не я виноват в том, что творится. Может, именно что я и являюсь единственной жертвой обстоятельств. А вот эти все люди... у них был выбор: идти на улицу и искать кого убить, или сидеть дома и не отвечать. Я оказался лишенным выбора.

Не успев появиться в этом мире, я уже сделал две зарубки на своей черной душе. Не жалею. Марина явно впадала в истерику и подставляла меня своими «бесами». Сама прямо святоша как будто! Дмитрий Шуйский? Так он более чем беспринципный, послезнания и только один его вид о многом говорил, однако так я только лишь защищался.

Шуйские – вот главные грешники на этом празднике Сатаны. Нужно было додуматься до того, чтобы через кровь, шагая по костям, убить царя и взойти на его место. Это более, чем беспринципно, это явно преступно.

И оправданий ни тем, что сейчас все, во всех державах, так поступают, ни тем, что иначе нельзя, – не существует. И я так же поступил, но я и есть преступник, преступивший уже все нормы и правила и убивавший множество людей. Значит Шуйский, как и я? Ну а двум львам в одной клетке никак.

– Государь! Я одного своего человека пошлю на свое подворье! – не спросил, но лишь поставил меня в известность, Басманов.

Я заметил у него явные перемены в отношении меня. Не нужно быть искусным психологом, или обладать паранормальными способностями, чтобы видеть, как человек к тебе относится. Если ранее, как только состоялось то наше знакомство и Петр пялился на голую Марину, Басманов был моим рабом, то сейчас в его голосе прорезались нотки властности и лишь желание показать пиетет, но не он сам.

А что я хотел? Басманов должен был меня, то есть, Лжедмитрия, который был ранее в этом теле, неплохо знать. Теперь же и моя речь и манера держаться и, вероятно, решения, да все, просто вопило, что «царь то не настоящий!» Тогда почему он все еще со мной? Ведь самый удобный момент, чтобы схватить меня, связать, да Шуйскому предъявить. Подозреваю, что Басманов оказался и достаточно сообразительным, чтобы понять, что именно произошло в палатах Кремля и кто убил и Марину и Дмитрия Шуйского.

А что я? Коли попал в это время, должен выжить. Уже несколько не сомневаюсь в хроно-путешествии, так как такой детализации всего и вся не может создать ни мое воображение, ни программист в игре, ни режиссер, если думать, что все окружение – розыгрыш. Мое выживание зависит от того, останусь ли я на вершине политической элиты Московского царства, или меня сожрут. Просто уйти, уплыть и забыть о Руси? Вариант, но куда? В Европе то же самое выживание, да и языковая проблема, наряду со сложностями восприятия и времени, и еще более чуждого мировоззрения. В Америку? Так сейчас там еще более страшное захолустье. Да и не примут меня испанские колонисты, как и индейцы. Не нужен я нигде и нет места, где можно было просто пересидеть. Повсюду кровь и борьба. А тут уже какой-никакой, но старт. Так что остаюсь и думаю, как быть далее.

Мы проехали Москву довольно быстро. Пусть город и растянулся и, наверное, большой, но не столь огромный, чтобы часами разъезжать и заблудиться. Хотя именно что заблудиться бы я, если б не сопровождающие, мог проще простого. Все кварталы, улицы, столицы были похожи одна на другую. За Кремлем начинались усадьбы. Коттеджный поселок да и только. Каждая усадьба состояла из главного дома, построек для животных, хозяйственную постройку и небольшой двор. Везде заборы и, чем богаче усадьба, тем крепче и выше заборы. Крепости, да и только!

Немного начал понимать и царей, который так игрались с боярством. По дороге были такие усадьбы, брать которые, при необходимости, можно было только с артиллерией, либо кровавым штурмом. И у каждого боярина, что я уже понял из обрывочных разговоров, да и своих исторических знаний, чуть ли не армия. Это и боевые холопы, которых должно выставлять в пососную рать и различного рода наемники и, прямо скажем, разбойники, те же боярские дети зачастую могут зависеть от какого покровителя. У государства же не было монополии на насилие и получалось, что царю, чтобы не остаться с голым, незащищенным задом, нужно лавировать между боярскими интересами. Ох, и сложно же все это. Где Романовский абсолютизм и полное подчинение боярства? Где Петр, прозванный Великим, которому позволили все. А бывший хозяин моего тела поел телятины, потанцевал, все – поборник Лукавого.

– Государь, нам нужно уйти с дороги! – сказал Басманов, взглядываясь в мои глаза.

И что он там увидеть хотел?

– Надо, свернем! Думаешь, погоню пустят? – спросил я.

– Должны, Димитрий Иванович, может уже ватаги свои и пустили по всем дорогам и направлениям. Мыслью я, что более внимания уделят западу, будут думать, что ты в Речь Посполитую побег, – сказал Басманов и вновь уставился на меня.

Это что? Я должен был сейчас произвести какие-то действия, или разгневаться? Может быть и поиграть чутка?

– Ты, Петруша, думай, что говоришь, а то и голову с плеч! Как царь, сын Иоанна Васильевича, бегать от татей может? – сказал я и увидел некоторое удовлетворение в реакции Басманова.

Значит повел себя так, как должен был повести тот, кто неизвестно куда пропал, оставив свое, далеко не идеальное тело, для меня? Но я и думал, что нужно Петра расспросить обо всем, что можно. Размышлял и о том, чтобы частично ему раскрыться. Нет, не говорить о переселении душ или сознаний, а сказать, что память потерял.

– Прости, государь, мы не бежим, но спешаем в Тулу, – поправился Петр Федорович и поклонился.

Поклон выглядел менее естественно, чем ранее, да и был не глубоким.

– Петр, а чего ты хочешь? – спросил я.

– Прости, государь, но я не уразумел, что ты спрашиваешь, – недоуменно отвечал Басманов.

– Расскажи мне, чего бы ты хотел добиться в своей жизни! – настаивал я.

– Добиться? – посмаковал слово Петр Федорович.

– Тебе это слово кажется чудным? – спросил я.

– Это нет, но иные... – Басманов осекся.

– Договаривай! – добавляя металла в голос, потребовал я.

– Димитрий Иванович, – Петр замялся, но решил продолжать. – Ты и ранее был чудной и непонятный, нынче же и вовсе, словно иной человек. Вот смотрю на тебя, так и ничего не изменилось, но ты, словно... и не ты вовсе.

– Я это, я! – стараюсь быть спокойным, все же мне было сложно сконцентрироваться.

– Государь, я же с тобой, и верен крестоцелованию. Токмо... посмотрел я бумаги, что ты хранил и я забрал, – вот теперь взгляд чужой, не слуги, Басманов показывает себя опасным человеком.

– Сожги их! – сказал я, стараюсь сообразить, как лучше, в случае атаки Петра, хотя бы защититься.

Мы разговаривали, восседая на лошадях, что мерно ступали своими копытами по ярко-зелёной весенней траве. Рубится верхом я не смогу, тогда что?

– Я оказался, государь, на твоей стороне, но мне предлагали быть рядом с заговорщиками. Я был уверен в том, что ты еще станешь добрым царем, но немцев и ляхов ты привечал более, даже меня, который и сделал тебя царем. Коли я не перешел бы на твою сторону после смерти Бориса, так ты проиграл бы, – Басманов обернулся, видимо, машинально, ища поддержки у своих людей.

Пять боевых холопов, которые нас сопровождали, безусловно, были людьми Басманова. Нужно было это учитывать. И я не был ни разу мегасуперфехтовальщиком, чтобы рассчитывать одолеть пять опытных рубак. Все мое знакомство с мечами, саблями или иным холодным оружием, что длиннее сорока сантиметров, заключалось в полугодовом увлечении еще в юности кен-до. Когда сенсей учил не столько фехтованию, сколько науке не допустить того, а уничтожить врага раньше. И это в данном случае не подойдет. Еще у меня у седла был приторочен пистоль. И я даже не знал, заряжен ли он. И, если не заряжен, то быстро сделать эту трубу с деревяшками оружием у меня не выйдет.

– Чего ты хочешь? – с нажимом спросил я.

Наступила пауза, в ходе которой я немного, но расслабился. Понял, что меня будут просто шантажировать и принуждать. Значит, пока еще жить буду.

– Не быть Петрушкой, а именоваться Петром Федоровичем. Стать первым воеводой над всеми войсками, иметь свой прибыток с царских земель, – сказал Басманов, дернул руку к сабле, но остановился.

– Что, Петр Федорович, за сабельку хватаешься? – говорил я с усмешкой. – Взял, значит, меня за вымя. Но, согласишься я, что же получу взамен? Уговор должен быть обоюдным.

– А то, что есть я и мой полк, как и иные могут подчиниться, что есть пять десятков моих боевых холопов? Да и головою в нашем уговоре все же то, что, коли ты, государь, не пойдешь на сделку, то бумаги передадут Шуйскому, – Басманов ухмыльнулся. – Ты же знаешь, какая в тех бумагах крамола.

Я, конечно же, не знал, до догадывался. Видимо, Шуйский не во всем лжец, если судить по той истории, что я знал. Это он, после того, как убили Лжедмитрия, говорил о письмах самозванца и к литовским магнатам и к польским шляхтичам, но самое страшное для сознания православного, это то, что русский царь вел переписку с Епископом Римским. Значит, эти письма есть. И Басманов додумался не только их взять, но организовать таким образом, чтобы бумаги попали моим недоброжелателям, даже после смерти Петра Федоровича. Вот же... предки хитрозадые!

– Коли с тобой что случится, то бумаги так же окажутся у Шуйского или еще кого? – спросил я.

– И не только это, но и мое письменное свидетельство о том, что это ты убил Марину и после Дмитрия Шуйского, что подстроил так, что он ее насильничал. Такого бесчестия тебе не простит ни Мнишек, ни Шуйские, никто, это более, чем бумаги к папе римскому, – Басманов уже чувствовал себя хозяином положения и потому от стеснения и раболепия не осталось и следа.

– А ты не боишься? – спокойно спросил я.

– А чего уже бояться, государь? Если я нынче лишу тебя головы, да привезу ее Шуйским, да передам все бумаги и видаком стану, расскажу, что ты сделал с Мариной, так уж, верное, буду осыпан милостью Василия Ивановича, – Басманов перекинул левую ногу и принял вызывающую, залихватскую позу в седле. – И еще, государь, ты разучился сидеть в седле!

Я не отвечал. Нужно было переварить ситуацию и понять, что именно нужно делать, в том контексте, чего от меня ждут. Я не злился, не испытывал каких-либо бурных эмоций, а продумывал модели поведения, как это называется, или называлось, в социологии, вычислял принципы своего ролевого ожидания. Или все же простое логическое мышление. Хочется ли мне, чтобы это чудо с черной бородой и непрактичными длинными волосами, указывало что и как делать мне, государю? Нет. Могу ли я что-то делать? Вновь, нет, если учитывать, что есть некий человек, который сразу после смерти или опалы Басманова побежит трубить на всю округу, что, мол, Димитрий все же латинянин, или предатель, который обещал сдать Московское царство польскому королю... кто там вообще правит? Вот, и выявляются пробелы в образовании. Нужно многое узнать.

– А что, если какие разбойники нападут, да вон в том лесе, – я показал рукой на лес, что начинался в километре от луга, в центре которого мы стояли.

– Тут, кабы, видаки остались, – Басманов покосился на свою свиту.

Понятно. Эти бойцы в курсе где и кто хранит те самые письма, из-за которых меня могут повесить на любом дереве. Тогда не так уж и все черно, есть просветы. Из пяти человек уж точно найдется тот, кого можно будет перевербовать. А пока соглашаемся.

– Уговор. Ты станешь главным воеводой, и тем, что ты говорил. Но и я требую: ты принимаешь за правду то, что я потерял память и рассказываешь мне обо всем, что знаешь, второе, никаких унижений меня и ты всегда, будь то на людях, или наедине, но мой раб, – сказал я и увидел в сияющих глазах Басманова торжество.

– На людях! – сказал он и спрыгнул с коня, плюхнувшись на колени и начиная отбивать поклоны.

Это сарказм? Да, нет же, он читал какую-то молитву. Я не стал ничего более говорить, но направил своего коня в направлении нашего движения.

Уже позже Басманов стал раскрывать свои карты. Самым главным стало то, что именно он вел переписку с неким Илейкой Муромцем, который должен быть как раз или в Туле, или же рядом с ней. И с этим человеком ранее было более трех тысяч казаков. Сколько казаков в Туле, Басманов не знал, но был уверен, что далеко не все три тысячи, иначе крик стоял бы уже на все царство.

Муромец выдавал себя за внука Ивана Грозного Петра Федоровича, несмотря на то, что у Федора Иоанновича не было детей вовсе [Илейка Муромец, видный персонаж смуты и командир в войске Болотникова, прибыл в РИ в Москву, по приглашению Лжедмитрия на следующий день после государственного переворота Шуйских]. При этом, полк стрельцов, который был под командованием Басманова, так же получил приказ выдвигаться в Тулу.

– Все знают, что мы идем в Тулу. Так что стоит Шуйскому устроить засаду? – спросил я.

– Так дорогами и не идем, а в лес Шуйские не пойдут. Тем паче, что я послал такие, как и наш, отряды по двум дорогам, что ведут в Тулу, – с гордостью отвечал Басманов.

А мне нужно включать мозги и уже самому думать. Действительно, столько нюансов и я почти никакого решения не принял, все полагаюсь на Басманова. Так можно попасть в зависимость от Петра Федоровича и без компромата.

Начался переход по лесным чащобам. Я представлял, как можно ориентироваться в таком лесу и точно знать направление, все-таки спортивное, и не только, ориентирование для меня было знакомо. Но... без компаса, вдоль болот и абсолютно непроходимой лесной чащи!

***

Москва. Кремль
17 мая 1606 года 18.15

Василий Иванович Шуйский сидел на троне и силой сжимал подлокотники заветного, большого, резного стула. Он уже как два часа не слезал с постамента, застыв на вожделенном месте, словно статуя. Вместе с тем, изваянием Василий Иванович быть категорически не желал. Он действовал, через иных людей, но работа кипела. Перейдя все возможные линии и понимая, что вторичного прощения, как после неудавшегося государственного переворота в январе, не будет, Шуйский шел, как сказали бы в будущем, ва-банк. И решительности ему придавала та картина, которую он узрел в покоях Марины Мнишек. И как же сожалел Василий Иванович, что поспешил в комнаты Димитрия, рассчитывая там найти и лжеца и драгоценности, но, что еще важнее, письма самозванца.

Шуйскому докладывали, что названный сыном Иоанна Васильевича пишет бумаги и Сигизмунду и, вероятно, Епископу Римскому, кесарю, может быть, даже отчитывается Острожскому, который и дал ход проекту «Царь Димитрий Иванович». Писем не нашел. И кто же знал, что вор не позвал к себе в покои Марину, а сам к ней пошел. Как же можно так с бабой, чтобы бегать к ней? Вот и получилось, что многие увидели в комнатах Марины то, что видеть не должен был никто.

Дмитрий Иванович Шуйский, брат, который ранее не то, чтобы сильно покорялся похоти, лежал мертвым со спущенными штанами прямо на нагой Марине. Ну не мог Дмитрий польститься полькой, сам Василий Иванович слышал, как брат обзывал жену вора и уродливой и плевался при любом поминании Марины. И тут насилие!

Как теперь переиначить историю и рассказывать о том, что именно беглый вор убил и свою же жену и второго человека в клане Шуйских? Кто поверит, если вокруг все осуждали непонятную любовь между самозванцем и дочерью Юрия Ежи Мнишека. Теперь Мнишек станет уговаривать своего патрона Острожского на активные действия против Московского царства. Может и к королю Сигизмунду обратится. Выдержит ли держава новую войну? Выдержала бы и даже могла сделать какие-то приобретения. А Мнишека, захваченного в посольском дворе нужно придержать подольше.

Однако, как сообщали Шуйскому, новгородские бояре, как и псковские, владимирские, уходят по домам. Они и до этого не хотели воевать будь против кого, особенно с татарами, сейчас же, при вакууме власти, и подавно. А южные бояре? Они за войну с крымцами, но явно не заинтересованы в государственных переворотах, тем более, которые сулят отмену намерений воевать с татарвой.

Василий Иванович рассчитывал на иное, на безусловную смерть Димитрия Ивановича. Теперь пока не умрет вор, его, наверное, не стоит называть именно так, мало ли что, так хоть семью сохранит. Вот только какую семью? Детей нет, будут ли? Скорее всего, нет. Брат-наследник убит при странных обстоятельствах, но с потерей посмертно и боярской чести. Что? Сдаться?

– Нет! – Шуйский притопнул ногой.

– Василий Иванович? – Михаил Игнатьевич Татищев удивленно уставился на Шуйского.
– Ты со мной? – грозно спросил Шуйский.

Именно из-за такого тона, как говори некогда Грозный царь, Татищев не сразу и ответил.

– Ты со мной? – повторно, еще более зловеще, спрашивал Василий Иванович, привставая с трона.

– С тобой, государь! – сказал Татищев, не будучи уверенным, что отвечает правду.

Михаил Игнатьевич присоединился к заговору вообще на последнем этапе и то из-за спора с выскочкой Басмановым. Он вообще больше шел убивать именно Петра Федоровича, чем царя. Димитрий Иванович приказал заковать в колодки Татищева, сослать в Вятку и забыть его имя. Басманов тогда стал ревностно исполнять волю царя. И, даже, когда Димитрий Иванович отошел и решил не ссылать Татищева, Басманов не сразу исполнил повеление царя отпустить Михаила Игнатьевича, продолжая оскорблять и смеяться над Татищевым.

– Коли ты со мной, то исполни волю мою! – Шуйский высоко поднял подбородок, показывая, что он возвышается теперь над Татищевым.

И ранее в местничестве Василий Иванович стоял выше Михаила Игнатьевича, но сейчас тот, кто уже самолично, в уме своем, короновался, демонстрировал, что Татищев отныне раб государев.

– Исполню, государь, – Михаил Игнатьевич заставил себя склонить голову.

– Куракин привел человека, поелику похожего на Гришку Отрепьева. Приказываю тебе, умертвить его, да народу показать. Не забудь, что придумать с бородавками, кои были на воренке, но нет на том отроче. Этот и станет вором, что царем прикидывался. Патриарха Игнатия в колодную! Я отправлю еще людей, чтобы извлекли тело настоящего Димитрия и церковь объявит его святым. Повсеместно говорить о том, что вор Гришка якшался с Епископом Римским и веру нашу предал, – Шуйский сыпал идеями и с каждым словом уверяя себя, что ситуация не так уж и безнадежна [в РИ все перечисленное имело место быть, только якобы брата Григория Отрепьева представляли живым].

– Мудро, государь, – Татищев так же увидел забрезжившуюся надежду, что их мероприятие может и выгореть. – Самозванных лжецов на Руси много, вон придумали и сына Федора Иоанновича, так что люд московский может и поверить. Но вот в Угличе... дадут ли люди выкопать Димитрия?

– А ты и отправь кого, кто сделает то, что нужно, да холопов оружных возьмет, две сотни стрельцов. Так что молчать станут. Да юродивых обряжи, кабы исцелились они мощами невинноубиенного Димитрия, – Василия Иванович решил отослать Татищева из Москвы чуть подальше.

Шуйский чувствовал, что его власть висит на волоске, но не так уж и нереальна. И сейчас нужно сомневающимся отсылать с заданиями, пока трон хоть немного не окрепнет. Уже завтра Василий Иванович начнет собирать Земский Собор. Но так, чтобы этот Собор сделал ровно то, что нужно Шуйскому, потому только лояльные люди. К примеру, никого из Рязани, Тулы или иных южных городов, быть не должно. Они столь ревностно и демонстрационно восхваляли свергнутого царя, что зададут слишком много вопросов. Нельзя из Брянска ждать людей, с пограничья с Литвой. Вот севернее, тот же Великий Новгород – да, они поддержат. Тем более, что первое, что провозгласит Шуйский, это отмену похода на Крым.

Поляки? Да, это могло быть проблемой, особенно в свете сюжета про изнасилование этой уродины, как считали многие, но самозванец без польской поддержки сильным вновь стать не сможет, элементарно денег не будет. А именно что деньги делают армию. Казаки будут либо разбоем жить, либо служить за серебро, желательно и то и другое. У самозванца не должно быть денег и тогда лихим людям он неинтересен.

Размышляя о Речи Посполитой, Шуйский пришел к выводу, причем упорно себя в этом убеждал, отбрасывая неудобные доводы, что Сигизмунда мало интересует Мнишек. У него

свои проблемы. Шляхта объявила очередной рокош [законная война против короля за какие-либо обиды], но более всего польский король с фамилией Ваза ненавидит шведского короля... какое совпадение, так же Вазу. Сигизмунд имел все права на шведский престол и мечтал о том, чтобы объединить под своей власти две державы, ему даже на короткое время это удалось, но родственничек обошел. Там еще и религиозные причины, так как Сигизмунд-то католик.

Тем не менее, у Польши есть государственные интересы и они не станут, на это Шуйский искренне надеялся, мстить за своих шляхтичей, которых убили в Москве. Тут послать грамотку нужно и все случившееся назвать... неприятностью. А лучше подумать, как свалить хотя бы часть вины на вора.

– Государь! – в палаты для собраний Боярской Думы вошел еще один из заговорщиков, родной брат Андрея, Иван Васильевич Голицын.

– Ну, что сказала Нагая. Мать все еще признает в воре своего сына? – спросил Шуйский.

– Государь, да! Настаивает, – Иван Голицын развел руками.

– Ничего, как уразумеет, что лишится власти, да отправится снова в монастырь, сразу скажет то, что нужно, – сказал Шуйский, подумал и добавил. – Отправляйся и догони князя Куракина. Возьми стрельцов Второго приказа. Уходите к Туле и... ты знаешь, что сделать. Вор не должен жить!

***

В Москве было горе. Кричали бабы, рыдали дети, ругались мужики. Приходило отрезвление. Признаться себе, что бесы попутали? Нет, нельзя. Все правильно сделали, ну дурни же, в самом деле! Побили ляхов, так им и надо! Попались под руку еще кто? Жалко девок, которые развлекали шляхтичей и были так же убиты? Нисколько, ибо они падшие нравом и презрели христианские добродетели.

Вот только не понятно, что там с царем. Вроде жив остался? Нет? Убили? Ляхи убили? Нет? А кто?

– А боярин Шуйский и говорит, мол, шли мы освобождать царя, а тот Богу латинянскому молится! Да голова козла рядом лежит! – утопала во всеобщем внимании Колотуша и все истории, которые она смогла услышать по Москве уже в ее голове получали художественную обработку. – И маска там... самого Лукавого. Колдун был наш царь, всех увлек, оморочил, чтобы нами править. А Шуйский с серебряным крестом въехал в Кремль и победил морок, развеял его и стало видно, что не царь это, но колдун зловещий...

– Ты баба не завирайся, брат Шуйского насильничал жену цареву, ляшку Марину, за то царь убил Дмитрия Шуйского, а сам с Басмановым сбежал, – отмахнулся стрелец Тимофей.

– Тимофей Никитич, сам ли слышал? – спросила вкрадчиво Колотуша.

– А, может и сам, – стрелец горделиво выпрямил спину. – Я и сам завтра на тульскую дорогу иду, уж не знаю зачем, но иные бают, чтобы колдуна ловить.

– Ох, Царица Небесная! – запричитала Колотуша, и все слушатели сплетен перекрестились.

– Так, выходит, что не убили колдуна? – спросил Федор-конюший, что был челядинином у боярина Мстиславского.

– А ты бы, Федор спросил у своего боярина, он, почитай все знает, – посоветовала Колотуша.

– Спина еще не зажила от старых боярских ответов, что плетью малявали, – сказал Федор и все лишь уголками губ улыбнулись.

Ну не смеяться же в голос, когда, почитай в каждый третий дом горе пришло, может где и иначе, но на этой улице так.

Никто не знает сколько именно москвичей погибло во время праведного гнева и избияния ляхов. Не оказалось ни одного ни ляха, ни литвина, или русина из литовского княжества, кто не оказал бы сопротивления и не забрал с собой на тот свет одного, а чаще многим больше, москвича. Более пяти сотен убито ляхов, иных ранили, были побиты и немцы, но немногие.

Получалось, что москвичей погибло более двух тысяч, в большей степени, мужиков. Теперь к этой цифре следует прибавлять и тех баб и деток, что умрут в ближайшее время, так как лишились единственного кормильца.

Но люди не задавались вопросом во имя чего все это было. Те, кто выжил, как правило, пополнили свои карманы серебром или каким иным добром, что было взято в качестве трофеев у ляхов и литвинов. Ну семьи тех, кто погиб, больше думали, как все по ряду похоронить, да найти пономаря, так как в Москве сейчас нельзя было найти свободного священника или чтеца молитв, все работали, греша даже упрощением обрядов, чтобы посетить как можно больше домов, в которых живут семьи, которых посетило горе.

Рыдала и Марья, жена Авсея, плакали ее две дочери Уля и Наська, сурово стоял с подрагивающими губами сын Матвей. Он уже взрослый, двенадцать лет, ему семью теперь кормить, он мужчина в доме и должен быть сильным. Это бабы пусть слезы льют прилюдно, он поплачет, зайдет в отцовскую мастерскую и там будет плакать. Бабы в мастерскую не зайдут, не по наряду им это, так что никто не помешает быть слабым.

– Ну, что делать-то станешь, Марья? – спросила плачущую женщину ее кума, жена погибшего Никодима.

– И не знаю! Есть в доме мужик. Ему и решать! – сказала Марья и заплакала.

– Марья забери моих дочек! – жестко, решительно, сказала Параскева.

– Да ты что такое говоришь? Грех то! – Марья перестала плакать и стала искренне возмущаться.

– И не грех. Я постриг решила принять. Ты не беспокойся, Марья, серебро Никодим подсобирал, да мастерская у него ладная, завсегда продать можно. А я не могу, я мужем жила и вместе с ним и померла. Может в обители и получится стерпеть боль, – говорила Параскева, при этом ее глаза не проронили слезинки, но были... пустыми, действительно мертвыми.

– Коли так, то возьму, конечно, вырастим честь по чести. Родня Авсея не оставит нас, – сказала Марья и обняла куму Параскеву.

Теперь семья Авсеевых пополнилась на одного человека. Только на одного, так как кормильца-мужа нет, но появилось две дочки-погодки трех и четырех лет. Ни Параскева, ни Марья, никогда не осудят поступки своих мужей. Если мужики это сделали, то так было нужно. Ну а Господь прибрал, так было угодно, человеку не познать замысел Божий. И не им, бабам ругать кого бы то ни было. Ну а в остальном... голод пережили, переживут и потерю мужей.

Глава 4

Москва

19 мая 1606 года

Петр Федорович шел по Москве в сопровождении своей свиты. Чубатые казаки, как и вооруженные люди, которых было бы сложно отличить от представителей зарождавшегося дворянства, мерно шли по столице огромной державы. Той державы, о которой мудрец мог сказать: «Земля у нас обильна и богата, а наряду в ней нет». Такими словами старейшины ильменских словен и ряда финно-угорских плен приглашали править князя Рюрика, давая старт для русской государственности. И вот Рюриковичи оскудели своими представителями, и вновь встает вопрос, кому же управлять сложным и громадным государством.

Петр Федорович, сын последнего русского истинного царя Федора, сына Иоанна Великого, оказывался главным претендентом на престол. Если бы не одно маленькое «но»... У

Федора Иоанновича не было детей. Но терских казаков этот факт нисколько не смущал, и они назначили своего претендента на русский трон.

Илейка Муромец оказывался заложником обстоятельств и не особо и желал становиться несуществующим Петром Федоровичем. Но старшие сказали, что он Петр Федорович, значит так и есть.

Илейка получил личное приглашение от царя Дмитрия Иоанновича на свадьбу, но не успел к ней, приехав только сегодня... после непонятных событий в Москве [Некоторые исследователи писали, что такой персонаж действительно приехал в Москву на второй день, после убийства Дмитрия]. Может это было и к лучшему. Кто его знает, для чего позвал царь того, кто представляется его племянником. Может, чтобы убить? И теперь никому в стольном граде царства нет никакого дела до того, что это за небольшой вооруженный отряд направляется в сторону лобного места.

– Что делать станем? – спросил казак Булат Семенов.

– Атаман наказ давал, чтобы за малое дань с Москвы взять, – констатировал казак Осипка [атаман Бодырин называл «данью» обещанное Москвой жалование казакам].

– С кого брать? Не видите, что творится? Власти нет! – говорил Булат Семенов.

В подобных разговорах молодой, и не сказать, чтобы великий, разумник Илья, по прозвищу Муромец, помалкивал. Ему уже ставили на вид, что поведение Илейки не соответствует царскому, что речи его не умны и не последовательны, потому и советовали помалкивать, да многозначительно кивать.

– Пошли на лобное место! Там и узнаем, что случилось, – сказал ЛжеПетр.

Восемь казаков, до того мерно шагающих по мощенным грубо обтесанными досками узким дорогам Москвы, резко остановились и синхронно посмотрели в сторону Илейки. Наконец, он высказал, действительно, неглупое предложение.

Разодетый в богатейший кафтан, в красных сапогах с орнаментом, с перстнями на четырех пальцах, – тот, кто провозглашен Петром Федоровичем, выглядел скорее комично, чем действительно богато. Одежда не была подогнана по фигуре, пусть на Руси часто и носили одежду на размер-два больше, но не так, чтобы худошавая фигура невысокого парня был облачена в бесформенные мешки, пусть и шитые золотой нитью. Муромец не знал, с кого именно сняли казаки столь дорогую одежду, его это не заботило, он все равно был горд и счастлив теми обстоятельствами, которые его возвысили.

И богатая, статусная одежда... люди видят, что идет знатный человек, пусть кафтан и собирает грязь своим подолом. Многие думают, что раз столько много лишней ткани может себе позволить человек, значит, действительно весьма и весьма богат и знатен. И лучше подальше от такого. Вот и расступались перед представительной делегацией даже оружные люди.

Казаки шли на лобное место и все больше вопросов у них появлялось. Да, они знали, что позавчера в Москве имели место некие события и то ли убили царя, то ли он сбежал, – никто так толком и не рассказал. Но основные видаки и рассказчики всегда будут на Соборной площади или на Лобном месте. Казаки не собирались ломиться в Кремль и демонстрировать письмо от царя, мало ли, кто сейчас у власти. Нужно было больше информации.

– Да, знатно в Москве погуляли! – сказал Осипко, разглядывая пепелище сожжённых двух рядом стоящих усадеб.

На лобном месте было многолюдно, но четко просматривалось, что люди выстроились в очередь, которая потихоньку, но двигалась.

– А что, мил человек, – обратился Булат Семенов к стоящему последним в очереди человеку. – Хлеб дают?

Полноватый мужик, одетый в недешевые одежды и в сапогах, укоризненно посмотрел на казака, но, заметив, рядом стоящего Илейку Муромца, исполняющего роль Петра Федоро-

вича, москвич отвесил поклон. Вероятно, он руководствовался той истиной, что лучше богато одетому человеку поклониться, чем не сделать этого и занять проблемы.

– Боярин, – обращался Елисей Потапов, мелкий торговец, который возил товар московских ремесленников в иные города, но пока не особо преуспел в этом. – Тама мертвяка выставили на телеге с маской бесовской. Люди бают, что то Димитрий Иоаннович, которого убили ляхи вчера.

Казаки переглянулись. Каждый думал об одном и том же. Если убили царя, то можно же его воскресить и не городить огороды с несуществующим Петром Федоровичем. Вместе с тем, любопытство взяло верх, и казаки пошли вперед очереди. Ну не престало же сыну русского царя Петру Федоровичу плестись в конце очереди. И люди пропускали безропотно. Богато, пусть и несуразно, одетый молодой человек, которого окружают воинственного вида бойцы – это пропуск и многие открытые двери, по крайней мере, в среде еще не оформившегося подлого сословия.

– Матерь Божья! – Илейка перекрестился.

Перед ним и его сопровождающими возникла картина с обнажённым телом некоего человека, который умер явно в мучениях. Тело изобиловало множеством синяков, порезов. Лицо убитого было прикрыто страшной маской, которая создавала образы сатанинской свиты.

Люди подходили к телу и с них требовали плюнуть в убитого. Кто-то это делал, ибо вооруженные люди, что находились у подводы с телом, требовали от тех, кто отказывался. Чаще было так, что чем большим статусом обладал человек, тем менее резко от него просили клясть и плевать в убитого. Казаки не стали даже слушать, что их просили сотворить боевые холопы Шуйских, только постояли рядом с мертвецом и степенно удалились.

Приметили казаки, что и те, кто плевал в, казалось, убиенного царя, старались попасть именно что в маску. По крайней мере, мало было тех, кто оплевывал Димитрия Иоанновича искренне и с ненавистью.

– Что скажете, казаки? – спросил Булат.

– А что еще сказать, окромя того, что не царь то, никак не царь, – высказался Осипка.

Именно Булат Семенов и Осипка и были самыми уважаемыми казаками среди тех, кто отправился в Москву, а не остался с атаманом, который должен был прибыть в Каширу.

– Отчего же? – Илейка проявил любопытство.

– Да уже потому, что по описанию царь Димитрий Иоаннович был короток в одной руке, тут же руки одного вида. Телесами Димитрий был иной. У еного шея даже из-под бесовской личины видна, длинная, а царь был с короткой шеей, – Осипка любил привлекать к себе внимание и на каждом бивуаке рассказывал истории, так что он охотно объяснял свои наблюдения. – А еще, уразумейте, братья, кто ж станет бесовской личиной лик царева закрывать? Токмо для того, чтобы не прознал никто, что иной то человек.

Казаки уважительно закивали головами. Становилось пусть не все, но многое ясным. Царь жив, – это главное. Власть у того, кто хотел убить царя, но не смог. Скорее всего, царь в бегах. Стоит ли поддержать власть, что сейчас в Москве? Скорее всего, нет, ибо только Димитрий Иоаннович и относился по-человечески к казакам, обещал им большие деньги, пороху и всяческую поддержку.

– Вот что, Осипка, берешь Петра Федоровича и отправляетесь в Каширу, где должен быть атаман, все обстоятельно рассказываете. По дороге спрашивать у людей, не видели ли какой отряд на добрых конях, в богатых одеждах, да мужа с бородавками на лице и с темно-огненными волосами. Коли они на юг подались, а то единое разумное, видаки найдутся, – принял решение Булат Семенов.

Потом казаки еще расспрашивали людей, выясняя, кто же взял власть в Москве. Оказалось, что это Василий Шуйский, что, впрочем, было очевидным для любого, кто хоть что понимал в боярских раскладах. Выяснили терские станичники и то, что уже, как за малое, один полк

стрельцов отправился в погоню. Стрельцы так себе погонщики, они не конные, но вперед их поспешил большой отряд поместной конницы, составленной из боевых холопов заговорщиков.

Русь, которая только начала видеть свое будущее, принимая Дмитрия Иоанновича, начинала утонать в беззаконии и усобных войнах. В головах людей стала прогрессировать опухоль Смуты, которая оставалась после смерти Федора Иоанновича, но не давила на мозг. Это еще не метастазы, но предвестник их.

Смута, она всегда в голове, а уже после в льющейся повсеместно крови.

***

Москва. Кремль.
20 мая 1606 года

Надменные лица, полные презрения и жажды мести... Таких взглядов Василий Иванович Шуйский давно на себе не испытывал. И было ли так ранее? Не было, но тогда он был одним из тех, кто смотрел, нынче, на кого смотрят. Когда Шуйский уже уверился в том, что может быть русским царем, он ощущал тот взгляд, что некогда «дарил» и Борису Годунову и его сынку и лжецу. Для него было крайне неприятным осознавать, что в Кремле есть люди, которые откровенно ненавидят нового государя. Вокруг те, кто лебезит, кто старается заполучить новую должность, как он ранее.

Нет тут тех, кто не осуждает Дмитрия, особенно после того, как на первой Боярской Думе, на которой находилось меньше половины бояр, зачитывали письма лжеца к Епископу Римскому, королю польскому Сигизмунду, князю Вешневскому и Острожскому.

Шуйскому пока удавалось держать в секрете то, что Дмитрий, на самом деле, жив. Только с десяток человек и знали о том, что живой бывший царь. Но это те люди, которые по локотки замазаны в заговоре, который стоил много крови. Был, конечно, еще наемник, вернее, наемники-алебардчики, которые могли и даже должны знать о том, что вор бежал. И очень жаль, что эти немцы так же бежали, что еще более подтверждало их осведомленность. Но кто станет верить немцам, супротив слова русского боярина, основного потомка от Рюриковичей? Вместе с тем по Москве уже поползли слухи о чудесном спасении. Впрочем, это очевидно, народ всегда выдумывает небылицы.

Была еще одна проблема, которая могли сильно подточить пребывание Шуйского на троне – поляки. Война с Сигизмундом стала бы, во всех смыслах этого слова, убийственной для Московского Царства. Но и просто отпускать подданных польского короля Василий Иванович не собирался. Уже потому, что каждый из них имел немалую армию, а в сумме это могла быть сила, сопоставимая с той, что при максимальном напряжении мог выставить Шуйский.

Вот и стояли перед Шуйским такие ясновельможные паны, как пан Мнишек, отец убитой Марины, князь Константин Вишневецкий, пан Малогоский, бывший на свадьбе королевским послом, пан Ратомский и Остерский [согласно дневникам современника событий Самуила Маскевича]. Эти люди занимали высокое положение в Речи Посполитой и не то, что не привыкли к роли пленников, но никогда в таком статусе не бывали.

– Здаешь собе справе, зе то упокоржение гонору? – спросил князь Вешневский, который пусть и не был королевским послом, но являлся самым знатным, – не простым шляхтичем, а литовским магнатом.

Характерным было то, что князь вполне свободно разговаривал на русском языке, причем в его семье чаще говорили именно на этом наречии. Но сейчас ему было неприятно разговаривать на языке людей, которые покушаются на честь магната.

– Да, я разумею, что это урон вашей чести, великовельможное панство. Но какой урон чести был для Московского Царства, когда вы привели на трон лжеца? – Шуйского задел тон Вешневцекого. – Вы пришли в наш монастырь со своим обрядом.

– Сам посадишь на троне Димитрия! – вспыхнул пан Малогоский.

– Я не стану лаяться с вами, не для того вы предстали пред мои очи. Я обвиняю вас, паны, в том, что посадили на трон русский самозванца. Вы в плену, отправитесь в иное место. Слово от вашего кроля и я отпущу. И сохраняйте благоразумие, – сказал Шуйский и демонстративно отвернулся.

Его рынды обступили польско-литовских панов, всем видом показывая, чтобы те последовали прочь из царских палат.

– Твой брат забил моя сорке и кролова, – уже уходя, Юрий Ежи Мнишек обвинил Шуйского в том, что его брат убил Марину.

– Нет, он не мог убить твою дочь, – тихо, лишь для себя, сказал Василий Иванович.

На самом деле, найти доказательства обратного, не получилось. Все указывало на то, что именно Дмитрий Иванович Шуйский и убил Марину Мнишек. Есть вопросы о том, кто убил самого брата, так как баба, даже такая вольнолюбивая, как Марина, не должна была справиться с опытным воином, коим, бесспорно, являлся Дмитрий Шуйский.

– Где Мстиславский? – выкрикнул Шуйский.

Михаил Иванович Мстиславский лишь на второй день, после государственного переворота, выразил-таки поддержку Василию Ивановичу Шуйскому и пришел к нему на поклон. Он знал о заговоре, но принял выжидательную позицию, хотя, будь замысел Шуйских полностью провальным, то у представителей этого семейства нашлось бы что рассказать и о Михаиле Ивановиче и о его сыне Григории Михайловиче. Шуйского раздражала позиция одного из знатнейших боярских родов, но ссорится со Мстиславскими было крайне ошибочно.

Теперь же Михаилу Ивановичу предстояло продемонстрировать свою лояльность и сделать так, чтобы Земский Собор состоялся как можно раньше и был благосклонным именно Шуйскому. При этом деятельность Мстиславских будет отслеживать Андрей Васильевич Голицын. Шуйский начинал впадать в паранойю, ему везде мерещилась измена, он понимал, что уселся на трон безосновательно. Как же Василий Иванович ждал сеунч [радостная весть, чаще о военной победе] о поимке, а лучше рыжую голову одного человека, чье происхождение было загадкой даже для Шуйского. Может это был внебрачный сын польского короля Стефана Батория? В Речи Посполитой ходили такие слухи. Но лучше все же звать самозванца Гришкой Отрепьевым.

***

Дорога на Тулу.

23 мая 1606 года 12.20

Ночевки на воздухе, костры, беседы у костра, жаренное мясо на углях – романтика! Все это описание подходило под приятное времяпровождение на природе, если бы не частности. Так, мошканы было не много, ее было катастрофически много. Даже комары, которых так же кружилось над головой немало, не так бесили, как гнус. При этом обмазываться какой-нибудь гадостью было нельзя. Слишком мазь получалась вонючей, как говорили мои спутники и зверя привлечем и на самого опасного зверя можем нарваться, на человека. Так что терпи.

Хотя, как по мне, так мы воняли изрядно и без мазей. Конский пот, наши тела уже на второй день излучали носощипательный аромат. И я понимал, пусть и не так уж и специализированно, как нужно себя вести в лесу. Но должен ли знать царь о некоторых особенностях выживания или ориентирования в лесу? То-то. Так что многозначительно молчим.

Костры. Тут так же определенные проблемы, так как греть они не особо и грели, были выложены особым способом, чтобы дым стелился по земле, а света было минимум. И находится рядом с огнем так же было нельзя – пропахнешь и опять же станешь привлекать внимание. К чему такие предосторожности, я не понимал. По мне, так в те места, через которые мы пробирались, мало кто и поедет. Иногда приходилось спешиваться и прорубать просеки, порою помогать коню выбраться из топкой грязи.

Что же касается жаренного мяса на углях, которое так же могло бы ассоциироваться с отдыхом, то тут бы еще какого средства от изжоги найти. Организм мой не был таким уж здоровым, чуть поджаренного мяса поел, все – полдня изжогой маяться. Хлеб берегли, его не сильно много брали, а по дороге то глухаря из лука подстрелят, то зайца. Сопровождали нас и волки, тогда все запреты на огонь снимались и я только удивлялся, почему мы так и не подпалили лес. Может только из-за дождя.

Ливень. Это было что-то. Молнии, гром, стена воды, промокшее все, что могло промокнуть. После начал моросить дождь. Сырость, грязь, быстро устающие лошади. Вот она прогулка на свежем воздухе! Я уже был с насморком и надеялся, что только этим все и закончится. Было бы в крайней степени нелепо умереть от воспаления легких, так и не успев ничего сделать для себя и для... России.

Патриотизм? Был, некогда такой, что глотку грыз только за мало-мальски неуважительную фразу о России. После... войны, кровь, грязь, деньги, предательство. И это маниакальное чувство подувало. Но я был из тех патриотов, которые будут ругать страну, клясть правительство, коммунальщиков, соседа, но возьму автомат и пойду на передовую. Мои претензии к державе – это мое. И я сделаю все, чтобы мне было кого критиковать.

Так было, так, наверное, и есть. Не успел я еще проникнуться людьми в этом времени. Пока мне хочется только их убивать. Вот тот же Басманов, он же шантажом пытается меня приручить. Не все у этого деятеля получается. Не буду я под его дудку плясать, но и пока обожду с его утилизацией. А кто еще мог попасть мне в душу? Марина? Нет, даже отвращение к ней испытал. Никого нет, для кого я бы хотел творить добро.

– Если мы не зайдем в какое село, то положим коней, – констатировал Басманов.

Я не то, чтобы специалист-коневода, или как эта профессия называется, но понимал, что лошадки устали и на траве они долго не протянут, уж слишком тяжелая дорога, особенно после дождей, когда копыта животных тонут в грязи.

– Давно пора! – сказал я.

– Ты, государь, чем-то недоволен? – спросил Басманов.

– А ты, воевода, хочешь без головы остаться? – ответил я вопросом на вопрос.

Такая пикировка стала нормой для нас с Басмановым. Сусанин, блин. Я уже ловил себя на мысли, что эмоции, вызванные желанием наказать Петра начинают преобладать над здравым смыслом. Но я просто не знаю куда идти, я из этого леса могу и не выбраться. Да и справлюсь ли с пятью воинами? Так что рассудок, вроде бы, еще остался. Надолго ли?

– Государь, в любом селе нас могут ждать. Я воевода твой и должен хранить жизнь государеву, – говорил Басманов, в этот раз решившись не переходить в словестную баталию, в которой чаще проигрывал.

Мы не только занимались пикировкой, в ходе которой Басманов, все же не переходил черты, пусть и ходил рядом с ней. Чаще я вытягивал из Петра Федоровича все, что он знал об этом мире. Старался не задавать много вопросов, чтобы вообще не вызвать страх у Басманова и подвигнуть его на ненужное для меня решение. Если получалось вызывать у Басманова эмоцию, то Петра несло. Вот спросил я про то, как он относится к казакам и все, -полчаса-час рассказа мне было обеспечено. К слову, Басманов, их явно недолюбливал.

Потом спросил, как Петр Федорович справляется с управлением своего поместья. Моментально получил укор за то, что все еще не наделил его большими землями, а, главное

крестьянами. И тут же рассказ про то, какие малые урожаи, что сам 2 и то за счастье. Мои знания частью, но помогали улавливать смысл сказанного. В целом, меня ужаснуло состояние сельского хозяйства. Подумал даже, что Романовы действительно молодцы, что умудрились из такой задницы хоть как-то, но выбраться. И это страна, которая живет за счет села, ибо ремесло так же на уровне средневековья.

Да тут все средневековье. Те процессы, которые имеют место быть сейчас, европейцы пережили пару веков назад.

– Тут недалече деревня должна быть, – докладывал один из людей Басманова. – Гирай разграбил его ранее, но люди туда пришли, овес там быть должен.

– Идем, – принял решение Басманов.

– Нет, не идем, – воспротивился я. – Емельян, ты сам туда сходи, посмотри, есть ли кто. Вот тогда и пойдем.

И, казалось, возразить мне нечем, но контраргументы нашлись.

– Государь, нешто мы дети несмышленные, кабы лезть в волчью пасть? Подойдем ближе, да и поглядим, что, да как, – Басманов усмехнулся.

Так и случилось. Я пока не особо спорил, смотрел, да привечал. Уж сильно специфичная подготовка у здешних бойцов, не всегда для меня логичное обоснование поступков. Нужно понять этих людей, если собираюсь быть с ними.

Перехода обратно не предвидится. Я сопоставил, вспомнил все те обстоятельства, после которых очутился тут, в этом времени. Медицинский бокс, олигарх Петров в виде сушеной египетской мумии, датчики на конечностях этой мумии. Я трогаю то, что было ранее рукой. Некий импульс, взрыв... я тут.

Если следовать логике, то какие условия должны быть, чтобы я попал обратно? Первое, это некая аппаратура, что была прикреплена к Петрову. И это первое уже становится непреодолимым фактом. Но есть и второе – мое тело, скорее всего, погибло. И я, допустим, получаю возможность переместиться во времени, то в чье тело? Так или иначе, но обратной дороги нет. Значит вперед.

– Емельян, ты подумал? – я уличил момент и спросил у сподвижника Басманова.

– Государь, у меня может не получится, – сомневался Емеля.

Вот боец, как боец, вроде бы и смысленый и следопыт, каких поискать нужно, по крайней мере, в будущем. Но, как появляется дело с запашком авантюризма, так страха полные шаровары.

С самого начала нашего путешествия, после того злополучного разговора, когда Басманов показал, за что и почему он служил тому, в тело которого я проник, у меня началась работа. Я высматривал людей, которые не слишком-то и умели скрывать свои эмоции и отношения. Искал того, кто может быть полезным именно мне.

Емельян был недооцененным. Он выполнял большую часть работы, он занимался и обустройством наших стоянок и стоял в дозоре в волчье время, причем постоянно, на рассвете, когда более всего хочется спать. Он и дозорный, всегда гоняет вперед и выбирает лучшие пути, более остальных работает по расчистке леса и прочее, прочее.

Начал искать к нему подход, определил его слабость. И, как чаще всего бывает с сильными мужиками, главной Ахиллесовой пятой у Емельяна была женщина, девушка. Он был холопом и не так чтобы давно стал боевым, вопреки обычному пути к этому статусу. И Басманов не разрешает жениться. Я же обещал, что Емельян перейдет ко мне в рынды. И только после мне стало понятно, что царские рынды – это так же статус и никого лишнего там быть не может. Емельян не мог стать моим телохранителем, если не ломать систему. Ничего, не он первый, не он последний, кто будет обманут.

Мне нужно было знать, действительно ли есть некие письма, что могут мне изрядно нагадить, если, да, то где они находятся. Пока все. Больше загружать парня я не собирался. К делу

вербовки нужно подходить аккуратно, чтобы не спугнуть клиента. Я так думал, до того ни разу не вербовав людей, у меня были иные задачи и специализация.

Уже после я собирался что-нибудь, да сделать. Хоть бы и спалить дом, в котором спрятан компромат на меня.

– Ты же любишь Марфу? Ну так иди к своей цели. А от меня царский подарок на свадьбу, – я улыбнулся, демонстрируя максимальное участие в жизни парня.

– Добро, государь, – в очередной раз согласился Емельян.

Да, ненадежный у меня агент, но что изменится, если Басманов поймет, что Емеля работает на меня? Уверен, что ровным счетом, ничего. Парня жалко. Но я же собираюсь быть государем, тогда крови на мне окажется много, чувство жалости нужно заменить на царскую милость. Я разделяю эти понятия. Милость она даруется сильным, жалость демонстрирует слабость человека, наделенного властью.

– Емеля, в дозор! – зычно прокричал Басманов.

Вот такая, блин, конспирация и режим тишины.

– Слушай, Петр, а отчего мы не дождались в каком месте тот стрелецкий полк, что должен был выступить на Тулу? – спросил я.

Этот вопрос уже давно витал на просторах моего сознания. Ранее я думал, что за нами могут отправить тысячи людей в погоню и тогда один стрелецкий полк мог не сдюжить напора. Но, как оказалось позже, из долгих разговоров, отправить стрельцов в поход было столь мутным и нелегким делом, что вряд ли это было возможно сделать быстрее, чем за три дня. Собери всех стрельцов, да чтобы они все свои дела побросали, ибо занятые люди, - ремеслом, или торговлей занимаются, после исполни их, проверь, оснасти недостающим.

По словам же Басманова, его полк, что Лжедмитрий дал ему в особое командование, был ранее приведен в боевое состояние. Я, то есть Димитрий Иоаннович, скорее всего, собирался надрать задницу другому самозванцу – Петру Федоровичу, потому и готовил небольшой поход, или подкрепление к тому, что уже отправлено на усмирение казаков.

Из послезнания я помнил о таком персонаже. Илья Муромец, так его зовут вроде бы, или как-то имя «Илья» видоизменено? Не столь важно. Там еще с юга за бунтарскими казаками этого Муромца должен гоняться Шереметев. К нему собирались отправить стрелецкий полк. Только какой Шереметев?

– В селе конных и оружных нет, – сообщил Емельян через часа полтора нашего сидения на опушке леса, у деревенских полей.

Как же все убого! Полуземлянки, соломенные крыши, которые, казалось, сильный ветер должен разметать с первого дуновения. Окна? Нет, о таком не слышали. Я силился увидеть какие бычьи пузыри, или еще что-то, что по моему мнению должно заменять стекло, но не увидел. Вот нечто, что я бы назвал ставнями, в домах было. Тонкие плетни, минимум хозяйственных построек, ни одного животного не было видно, при том, что солнце, наконец, показалось. Животных же нужно на выпас отправлять? А, нет, вон вдали две... Это коровы? Похожи на пони.

Слава нашим предкам, которые из такого вот, с позволения сказать, хозяйства и сами выживали и еще взрастили великую державу, империю. И я так, после увиденного, искренне считаю, без малейшей толики сарказма.

– Чего ждем? Пошли! – сказал я и первым повел своего коня за уздцы в сторону деревни.

– Государь! Не гоже тебе... – попытался меня одернуть Басманов.

– А ты, воевода, станешь мне указывать? – нарочито громко, чтобы слышали все люди Петра Федоровича, говорил я.

Вот она, деревня, какие-то люди. Здесь я, со своим сундучком с монетами, смогу найти хоть какой-нибудь кров. Думаю, один золотой – это, почитай, стоимость всей деревни, а, может и более того. Потому я мог идти и на обострение, если увижу, что смогу упокоить всех, вместе с

Басмановым. Два заряженных пистоля, из которых, правда, я никогда не стрелял, но с теорией был уже ознакомлен, представлялись основным оружием. Сабля, которой я не очень то и умею рубиться, несмотря на несколько уроков, представлялась более бесполезной железкой против опытных бойцов. Вот ножи... ножевому бою я обучен, даже в геометрии построения движений. Но против, как минимум трех умелых бойцов? Это если Емеля займет нейтральную позицию, а двумя выстрелами я выключу из схватки двоих. Нереально победить? Все всегда реально, если бороться. Тут хотя бы шанс. Письма... вот же зараза. И понять бы, чем мне грозит, если они будут обнаружены и как определяют, что это именно мои, а не подделка?

Я пошел в направлении деревни пешком, но вот мои спутники лихо прыгнули в седло, и как будто бы в атаку. С другой окраины деревни, противоположно от нас, стали выбегать люди. Я удивился быстротой реакции поселян. Видимо, постоянная угроза от крымских татар, лихих людей, да от тех же казаков, научила людей. Вот еще один плюстик в отношении величия предков. Жить под угрозой и все равно жить, растить детей, не сдаваться, отстраивать заново спаленные поселения...

– Добрые люди, не палите деревню, не губите людей, – бляял пожилой мужик, который вышел навстречу приближающимся конным и после держал слово за всю деревню в домов двадцать.

Что нет мужиков, которые могут взять дрын, да погнать супостата прочь? Или деревенский человек испытывает столь непреодолимый страх перед человеком на коне, что единственно верным считает сбежать?

– Никто деревню палить не станет, – говорить начал я, лишь на секунду опередив Басманова. – На том слово мое царское!

Я сказал и непроизвольно вытянулся и приподнял подбородок, являя величественную позу. И откуда все берется?

Крестьянин плюхнулся на колени и ударился головой о землю, не фигурально, а прямо таки в грязь. Был порыв поднять старика, но нельзя. Такие действия сразу же ставят под вопрос, царь ли я. Так что, надменное лицо и принимаем ситуацию, как должное.

– Четыре пуда овса нам дай, да хлеба! Воды колодезной принеси коням, – распорядился даже не Басманов, а один из его людей.

Снова ошибка? Разговаривать, пусть и надменно, с крестьянами, я не должен был? Есть же слуги, которые и должны решать такие мелочные проблемы.

– Не губите! Нет овса столь! – не подымая голову и не вставая с колен, говорил, видимо, староста деревни.

– Давай, сколь есть! – после жеста Басманова, его человек продолжил разговор. – И покорми нас! Но обманешь...

Хлеб грубейшего помола, чуть ли не с цельными зернами. В будущем за такой хлеб люди доплачивают, ибо без консервантов, да и для здоровья полезен, но как же он смотрелся убого и был явно не первой свежести, если вообще бывает вторая степень той самой свежести. Штук двадцать яиц, казалось, были самым главным богатством на столе. И какое-то месиво, что было сложно назвать кашей. Басманов ругался, пыхтел от негодования, но ел. Я же взял пять яиц и выпил их. Так себе, тем более без соли. И я понимал, что своим таким обедом, мы, может быть, обрекаем на голодную смерть кого-нибудь из поселян. Но нельзя всех встречных облагодетельствовать. Нет же, можно! Если в стране что-то изменить. А пока я изменю этот порочный круг, когда из-за нашего перекуса умрет ребенок.

– Помни, старик, что государь никогда не оставит голодать тех, кого сможет милостью своей наградить, – сказал я и небрежно бросил на стол, который был вынесен во двор, золотую монету.

Непонятно было вовсе, откуда взялся стол. Мне казалось, что те жилища, в которых жили эти люди, не предполагали столов, экономия места должна быть абсолютная. Но был стол, на столе темноватая льняная ткань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.